

Эволюция вида-А

Николай Секерин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Секерин
Эволюция вид-А

«Автор»

2026

Секерин Н.

Эволюция вид-А / Н. Секерин — «Автор», 2026

В художественном изложении в книге изображены два пути эволюционного развития человечества, существующие, по мнению автора, в настоящее время.

© Секерин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Компонент «Альфа-Д»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эволюция вид-А

Часть первая. Компонент «Альфа-Д»

*

По утрам у него часто болело по бокам на спине, чуть ниже рёбер справа и слева, – казалось, что как будто почки, но, возможно, проблема была с чем-то другим. Скорее всего, что-то с пищеварением, или, может, это печень, или желудок. По-хорошему, конечно, стоило бы сходить к врачу и как положено обследоваться, но врачам он не доверял. К тому же и денег на всё это дело не напасёшься: понавывписывают потом всяких лекарственных гадостей, и бегай после этого в аптеку, покупай всю оставшуюся жизнь.

«Возьмите ещё общеукрепляющее «Фекаланал» – очень хороший немецкий препарат. Витаминный комплекс «Уринасак»? Его все очень хвалят. Водичку дистиллированную – таблетки запить? Карта постоянного покупателя наша есть?» Нет уж, благодарим покорно. И так замучаешься выслушивать все их бесконечные «специальные предложения», когда раз в полгода заходишь активированного угля прикупить. А тут ещё в поликлинике всякие менеджеры по продажам в белых халатах, которые туда пришли деньги зарабатывать, а не простату твою нащупывать.

Сделав усилие, Варлам повернулся на правый бок и несколько раз глубоко вздохнул – это всегда помогало успокоить боль.

Было ещё очень рано – только-только начинало светать, но он знал, что уснуть уже больше не получится. Теперь надо просто дожидаться, когда пройдёт боль и тогда вставать.

Лёжа на боку с закрытыми глазами, Варлам подумал о предстоящем дне. По порядку, одно за другим он мысленно распланировал всё, что нужно будет делать, начиная с подъёма с кровати и до обеда, а потом уж – как пойдёт.

За окном слышалось шуршание шин редко проезжающих автомобилей – это всё были пока ещё «ночники», или случайные водители, едущие куда-то по своим ранним делам, или возвращающиеся откуда-то, после дел поздних. Пройдёт ещё где-то часа полтора-два, и звуки улицы наполнятся хаосом автомобильных пробок, визгом клаксонов и бурным потоком опаздывающих на работу пешеходов. Но сейчас пока ещё все они спят. Спят до последнего!

Варлам закинул руку за спину и потрогал место, где болело. Когда лежишь на боку, отпускает обычно долго. Лучше всего, если на боку удавалось заснуть – тогда после пробуждения болеть переставало. Впрочем, если он тут же вставал и начинал ходить – отпускало всегда почти сразу. Таким образом, полагал Варлам, эта боль возникала от того, что он спал на спине, однако ещё играл роль фактор питания, то есть то, что он ел накануне, потому что иногда там и вовсе не болело, а иногда болело особенно сильно. Поэтому надо внимательно проследить за тем, что съедаешь и затем отмечать реакции. Может таким образом и получится постепенно от этой боли избавиться. Избавился же он уже так от изжоги, перестав есть еду, которая её вызывает? Хотя с изжогой, конечно, было попроще, потому что она ведь начинается сразу, а тут целый день и вся ночь...

Ну, ничего, разберёмся.

Варлам перестал массировать спину, упёрся локтем на постель, медленно поднялся и сел, спустив ноги на пол.

Оно получается как будто ржавые шестерёнки в сложном механизме, как будто по чуть-чуть, медленно начинаешь их двигать, в некоторых местах даже надо молотком и ломиком, затем масла подлить тут и там, немного напрячься, а потом уже проще, постепенно всё раскручивается, по типу веретена.

Потянувшись и широко зевнув, он встал и дотащился до туалета.

Опорожнив мочевой пузырь, Варлам потрогал трубу: горячей воды нет.

Каждый год они роют возле дома в одном и том же месте яму и ковыряют там что-то в трубах, потом закапывают обратно. Наверное ищут золото, или иные драгметаллы. А может собирают фекалии в канализации для анализа на предмет выявления новых штаммов вируса? Пути господни неисповедимы...

Теперь надо набрать ведро и поставить на газ. Пока вода закипит – пройдёт минут сорок, но не искупаться утром он не мог, ибо для него это было практически так же важно, как естественные нужды.

Пока набиралось ведро, он прямо в ванной начал делать зарядку – начинать всегда необходимо с шеи, а для этого много места не требуется. Вперёд-назад, вправо-влево. Ещё раз. Ещё. Так, теперь вращение плеч: вперёд, назад.

Ведро наполнилось.

Закрывать кран, и-иш взяли, – так-то по весу килограмм двенадцать, пожалуйста, наберётся. Нормально. Полное ведро на плиту, пьеза зажигалкой: щёлк, синий огонь на максимум. *Грейся!*

Он чувствовал, что «шестерёнки сложного механизма» завращались уже уверенней. Вернулся в комнату, закончил разминку, лёг на пол: двадцать раз пресс, десять отжиманий, потянулся, встал, заправил постель.

Теперь в сортир, и пока не закипит вода, сидеть и читать книгу в надежде на благополучное разрешение от бремени, употреблённой накануне, пищи.

Варлам чётко помнил место в книге, где остановился вчера и, убрав закладку, дочитал неоконченный абзац. Обычно, если не было запора, «плод» выходил примерно к десятой прочитанной странице.

Книга называлась «Бог-Император Дюны».

Это уже, в общем, не просто фантастика, а какая-то сверхфантастика. Графомантика.

Лет пять назад он прочитал эту часть без энтузиазма и как-то через силу, ради спортивного интереса, а на днях вдруг решил перечитать снова: авось в этот раз получится воспринять весь смысл более внятно.

Две страницы, четыре, шесть, семь, восемь... тужьтесь. Тужьтесь. Дышите! Тужьтесь ещё! Ещё! Ещё!

Yes!

Жалобно булькнув в унитазе, «плод» моментально отправился «вниз по течению», подгоняемый бурным потоком, тут же спущенной из бачка, воды. Варлам закрыл книгу, почистил, где следовало, ёршиком и вышел из туалета.

Ведро уже кипело. Выключив газ, он через полотенце взялся обеими руками за ручку и отнёс кипяток в ванную. Поставив под кран тазик, Варлам открыл холодную воду и стал добавлять туда же воду из ведра ковшом. Трёх ковшей на один полный таз было достаточно.

Он влез в ванну, намочился с мылом и начал мыться.

Первый таз на то, что спереди и сзади, на подмышки и на ноги; второй таз – помыть голову; третий – хорошенько ополоснуться и смыть последние остатки шампуня и мыла.

Для начала, надо попробовать убрать из рациона сливочное масло и вообще, поменьше всякого жирного, думал Варлам, вспоминая об утренней боли «в районе почек». *Может, из-за этого болит?*

Тщательно вытершись полотенцем, он накрыл крышкой ведро с остатками кипятка и поставил его в ванну – этого хватит, чтоб после завтрака почистить зубы и побриться. Варлам взял с полки под зеркалом расчёску, аккуратно причесал мокрые волосы, затем брызнул дезодорантом подмышки, надел халат и вышел из ванной.

На завтрак был творог со сметаной и мёдом и чай. Кофе он пил одну кружку через день и, как правило, не с утра, а в обед – так было проще удерживаться от соблазна выпить в течение дня ещё и вторую. Он варил кофе в турке и с удовольствием пил, ничего не добавляя, но из-за периодических болей в желудке приходилось себя ограничивать.

Варлам налил воду из фильтра в чайник и поставил на газ, достал из холодильника 180-граммовую пачку творога 9% и початую банку сметаны 15%, положил творог в глубокую тарелку и добавил столовую ложку сметаны, убрав последнюю сразу же обратно в холодильник.

Надо было ночью, когда вставал в туалет, заодно вынуть из холодильника творог, так был бы сейчас мягкий, ну да ладно, зато горло закалится.

Он размазал сметану поверх брикета холодного творога и слегка примял, затем вынул из буфетного шкафчика пластиковую банку с мёдом и чистой столовой ложкой добавил мёд в тарелку. Закрыв банку, он тут же убрал её обратно в буфет. Ловко орудуя двумя ложками, Варлам хорошенько перемешал творог со сметаной и мёдом, затем достал из шкафчика с чистой посудой, тщательно вымытую накануне, колбу литрового French-press, бросил в него десертную ложку зелёного чая из жестяной банки, залил водой из закипевшего чайника и осторожно, чтобы не расплескалось, вдавливающим движением закрыл French-press крышкой.

Варлам сел за стол и, неловко удерживая ложку левой рукой, всё же довольно быстро расправился с содержимым тарелки.

Пару месяцев назад он решил сделаться амбидекстром – никогда не знаешь, что может в жизни пригодиться, да и вообще, для стимуляции работы мозга неплохо. И не накладно. Даже инструкторов всяких не надо нанимать, и тренинги никакие не нужны, и семинары, и коучинг-хороучи – совершенно всё это ни к чему. Полностью бесплатная тренировка нового навыка, не выходя из дома, не включая интернета и не тратя дополнительного времени.

Сложнее всего пока что было левой писать, хотя зубы чистить и причёсываться тоже не очень легко, но всё же не так трудно, а вообще, проще всего ему давалось пользоваться компьютерной «мышью» – она как будто бы была создана для начала подобных тренировок.

Варлам доел творог, убрал грязную посуду в раковину, вытер влажной тряпкой и без того чистый кухонный стол и, плеснув на губку гель для мытья посуды, хорошенько вымыл тарелку и ложки под холодной водой. Затем он вернулся в ванную, почистил зубы и побрился, после чего налил в кружку заварившийся чай, прошёл в комнату и нажал кнопку включения компьютера.

Notebook был очень старым и загружался медленно, однако технические функции компьютера были для Варлама вовсе не важны, ибо к работе он уже давно приступил, то и дело мысленно повторяя написанные накануне тексты, видоизменяя в голове их форму, содержание и смысловой посыл. Сейчас, пока грузилась его старая «печатная машинка», Варлам уже знал, что и где во вчерашней текстуре предстоит поменять, добавить и отредактировать. Более того, у него уже имелись кое-какие заготовки и для будущих статей, так что когда компьютер будет готов к эксплуатации, он просто сядет и напишет всё, что разработал задолго до этого, а потом начнёт что-то новое и оставит мысленно «довариваться» до следующего раза.

К слову сказать, подобного рода деятельность велась в мозгу Варлама непрерывно – он работал, когда читал художественные книги, когда смотрел кино, когда купался и даже когда спал, ибо во сне ему время от времени приходили ответы на вопросы, мучительный поиск которых наяву, накануне так ни к чему и не приводил.

Варлам отхлебнул чай из кружки и поставил её на стол.

Слегка размяв кисти, он взял, лежащую подле, старую советскую гантель и сделал упражнение на укрепление бицепсов сначала десять левой, затем десять правой рукой. Потом он взялся за гантель обеими руками с боков и, заводя груз за спину, двадцать раз согнул и разогнул руки в локтевых суставах. Закончив упражнения, он вернул гантель на место, потянулся из стороны в сторону и, не сгибая колени, достал кончиками пальцев до пола.

Компьютер загрузился.

Он сел за стол и щёлкнул два раза левой кнопкой «мыши» на единственной папке на рабочем столе с надписью «Всё». Внутри папки было ещё несколько папок, одна из которых называлась «Тексты», – он щёлкнул два раза на ней, открывая дорогу к новому выбору папок: «Архив», «Завершённое» и «В работе». Открыв конечную папку, Варлам щёлкнул на одном из трёх находившихся внутри файлов текстового редактора и стал дожидаться, когда сильно устаревшая программа включится.

Варлам откинулся на спинку кресла и, прикрыв глаза, практически слово в слово проговаривал про себя абзац текста, который через пару мгновений появится на экране компьютера.

Самое главное преступление, которое совершил герой Машкова в художественном фильме «Вор» заключалось в том, что он украл доверие ребёнка, которого играючи приучил видеть в себе не просто образ, а самого настоящего отца. В то время как, на самом деле, для вора это вовсе ничего не значило, ибо он всего только стремился какое-то время спать с матерью мальчишки, а также использовать её в качестве инструмента для решения своих материальных проблем. Сын же её, во всей этой схеме был для вора не более чем дополнительным условием, кое необходимо соблюсти для беспрепятственного и удобного достижения двух вышеупомянутых целей.

Приблизившись к клавиатуре, Варлам прокрутил несколько раз колёсико «мышки» и, найдя искомое место, допечатал ещё несколько предложений.

Таким образом, в завершающем эпизоде картины, когда повзрослевший парень убивает из пистолета своего бывшего фальшивого отца-вора, мы наблюдаем не просто отмищение отдельно взятому подонку, а подлинный экзистенциальный перелом. Это метафора становления зрелой личности, истинное освобождение от бремени, довлеющего над вчерашним ребёнком образа, которому этот ребёнок стремился подражать и соответствовать. Мальчишки больше не существует, отныне есть только взрослый мужчина, и этот мужчина более не нуждается ни в каком отце, ибо теперь он сам себе и отец и мать.

Поставив точку, Варлам перечитал написанное и подумал, что что-то здесь ещё всё-таки требует доработки, хотя скорее всего Роберт и так найдёт к чему придраться, и в конечном итоге дорабатывать этот текст ему придётся ещё и вечером. Впрочем, он всегда старался выполнять работу максимально добросовестно, дабы в случае чего иметь возможность со всеми основаниями до конца отстаивать свою точку зрения по части отдельных принципиальных, лично для него, вещей.

Хотя, разумеется, последнее слово всегда оставалось за Робертом.

Роберт был начальником Варлама, а также его родным дядей.

Варлам вслух прочитал весь текст от начала до конца, свернул файл и открыл второй. Компьютер заработал чуть быстрее и теперь загружал документы не так медленно как вначале, словно бы он, по примеру своего хозяина, постепенно раскручивал собственные «шестерёнки сложного механизма» после «пробуждения», и теперь, «сделав зарядку» и «первые утренние дела», мог выполнять свои функции более уверенно.

Варлам внимательно просматривал второй текст, периодически задерживая цепкий взгляд на абзацах, которые вызывали у него сомнения.

Связь Маргариты и Мастера являет собой типичный образец ущербных отношений в так называемой модели «мама-сын». Этот вывод можно сделать уже из одного обращения «бедный, мой бедный», коим героиня встречает своего любовника после долгой разлуки. В этих её словах не просматривается ничего кроме жалости и стремления опекать своего несчастного, несправедливо пострадавшего, «мальчика». Нельзя здесь обойти вниманием также и тот факт, что Маргарита была замужем за богатым мужчиной и всю свою любовь с Мастером от начала и до конца выстраивала в порядке адюльтера, продолжая в то же время находиться в браке и жить за счёт своего нелюбимого, опостылевшего супруга.

И как же это так получается, что все подобные любовные истории никогда не создаются честным путём, а всегда почему-то «воровато» и через «наставление рогов»? Ведь если оба они такие влюблённые и «созданы друг для друга», то, стало быть, секс тут не может быть на первом месте, и в той романтической версии, которая нам навязывается подобного рода сюжетами, биологический процесс спаривания должен откладываться на более поздний срок. Первым же делом, осознав, что встретила своего человека, а находится замужем за не своим, Маргарита была обязана развестись и сделаться свободной женщиной, а уже потом приступать к удовлетворению всяких тривиальных инстинктов. Так же, впрочем, как и со своей стороны Мастер обязан был воздерживаться от каких-либо активных действий, диктуемых природными инстинктами до тех пор, пока его избранница не расторгнет свой ошибочный брак.

Однако, как и в любых других «трогательных» историях про «вынужденный» адюльтер, здесь всё происходит ровно как обычно. Герой и героиня всего лишь банально трахаются как два млекопитающих, никоим образом, при этом, не соблюдая законов цивилизованного общества и полностью игнорируя правила, элементарное соблюдение коих и отличает человека разумного, который придумал понятие «любовь», от неразумного животного, у которого такого понятия нет...

Что касается других негативных аспектов данного романа Булгакова, то нельзя не отметить также и тотальный инфантилизм, коим, по сути, пропитана вся эта романтическая конструкция целиком.

В мир людей снисходит старый знакомый бога – справедливый дьявол и наводит порядок: он наказывает мерзавцев, вскрывает социальные гноишки, и наконец спасает несчастных Маргариту и Мастера от всего этого человеческого гадюшника, забрав их с собой «в лучший мир».

То бишь, делать самим, товарищи, ничего не надо даже и пытаться – просто дождитесь, когда прибудет Воланд и всё за вас решит, ибо вы ни в чём не виноваты и сами вообще ничего не можете!

Вишенкой на торте «МиМ» является психушка, в которую спрятался от внешнего мира, расстроенный неудачей с редакцией, инфантильный Мастер, и куда упаковали ещё одного «бедного-бедного» юношу, поэта Бездомного.

В сём учреждении у каждого больного с улицы имеется своя палата с балконом и постоянное персональное внимание со стороны лечащего врача. Бесплатно! Для всех! И это в начале двадцатого века, когда во всём передовом мире развитой психиатрии активно использовалась и широко рекламировалась в качестве «более гуманного» способа «лечения» пациентов, в отличие от устаревших варварских методов прошлого... лоботомия!..

Варлам оторвался от текста и задумался.

Вообще-то Булгакова он очень уважал и читал его неоднократно и всего. «Театральный роман», «Морфий» и «Собачье сердце» вызывали у Варлама одно лишь восхищение. Но «Мастер и Маргарита» нет, никогда. По прочтении этого романа в первый раз в юности, он испытал некий дискомфорт бессознательно – читалось это произведение интересно и где-то до середины легко, но во второй половине возникало какое-то смутное ощущение, словно бы книгу дописывал и доделывал уже не первоначальный автор, а кто-то другой. И это, как выяснил Варлам позднее, было не так уж и далеко от истины, ибо окончательно редактировалось и издавалось данное произведение уже после смерти Михаила Булгакова самоотверженными усилиями его собственной «Маргариты».

Перечитав роман во взрослом возрасте, Варлам уже смог членораздельно сформулировать всё, что ему в нём не понравилось, и теперь, когда в беспринципных средствах массовой дезинформации началось очередное, щедро оплаченное, извержение восторгов новой экра-

низацией книги Булгакова, Варлам решил изложить «миру» своё собственное видение данного деструктивного, как ему казалось, сюжета.

Задержав взгляд на стоящей на столе кружке, он вспомнил про остывший чай и залпом выпил всё одним махом. Дабы немного «проветрить мозги», Варлам тут же встал из-за стола и пошёл на кухню вымыть кружку. Затем он вернулся в комнату и перед тем как снова сесть за компьютер, снял банный халат и надел чистые трусы, носки и футболку.

Так, теперь нужно перечитать оба готовых текста от начала и до конца в последний, контрольный раз, а затем отправить их Роберту. Больше никакого редактирования смыслов – всё внимание на орфографию и читаемость, иначе так можно переделывать до бесконечности.

Медленно проговаривая слова вслух, Варлам прочитал первый, а затем второй текст, щёлкнул «мышью» значок интернета на нижней панели рабочего стола и стал дожидаться, пока загрузится Сеть.

Сейчас отправлю эти два, а третий доделаю после обеда, надо сделать перерыв, чтобы мозги немного освежились.

Он открыл электронную почту и, прикрепив готовые тексты к пустому письму, отправил их Роберту. Обернувшись, он посмотрел на стенные часы: девять утра. Часика через полтора нужно совершить ежедневную обязательную прогулку.

С возрастом, у Варлама обнаружилась лёгкая мизантропия, и потому он предпочитал выходить из дома в такие промежутки времени, когда утренний час пик из снующих туда-сюда человеко-машин немного рассасывался, и на улице наставало кратковременное затишье между среднестатистическим началом рабочего дня и среднестатистическим перерывом на обед. Как правило, это были два часа с десяти до двенадцати.

Пунктом назначения для поддержания ежедневного обязательного моциона Варлам выбирал продуктовый магазин, расположенный в полутора километрах от дома, дабы путь туда и обратно занимал не менее трёх километров, а чтобы хождение в магазин было непременно ежедневным, Варлам никогда не закупал домой продукты впрок, но брал всегда лишь самый необходимый минимум на полтора-два дня.

Такая система жизнеобеспечения позволяла ему к тому же ещё и экономить, и в конечном итоге откладывать каждый месяц немного денег с его небольшой зарплаты. Таким образом, у Варлама получалось сохранять ежемесячно по две-три тысячи, и раз в полгода он добавлял сэкономленные деньги на свой вклад в банке, где, в свою очередь, сумма медленно копилась ещё и за счёт небольшого банковского процента.

Кому-то, конечно, всё это могло показаться несерьёзным, но посмотрим, что будет с этим депозитом лет через двадцать. Если, разумеется, не случится какого-нибудь общегосударственного ограбления, или если банк всех не кинет, обанкротившись, или не начнётся мировой войны, или не произойдёт революции, и Варлама не вышвырнут из его квартиры, всё отобрав, арестовав и поставив к стенке и расстреляв в затылок; или если Варлам не заразится каким-нибудь новым смертельным вирусом, или не заболеет СПИДом, или онкологией, или его просто не убьют на улице наркоманы, или не сойдёт автобус, или не произойдёт что-то ещё...

Защититься ото всех этих гипотетических страстей человеческих можно было лишь одним единственным способом: живя одним днём. И Варлам так и делал: он откладывал на будущее сегодня, не думая про завтра и осознанно принимая тот факт, что никакого будущего, по независящим от него обстоятельствам, у него может не оказаться. Однако в то же время, Варлам и не собирался лишать себя будущего по собственной инициативе своими же собственными бестолковыми действиями. Кроме того, финансовая самодисциплина была частью его личностного фундамента и тот факт, что, сэкономив лишнюю сотню, он справлялся с этой ежедневной незначительной целью, – наряду с другими, такими же незначительными, ежедневными целями из других областей его отдельно взятой жизни, и позволял, в итоге, формировать Варлама как независимую личность.

В качестве перерыва между активной интеллектуальной работой, помимо прогулки-похода в магазин и регулярных физических упражнений, он каждый день занимался всякими бытовыми делами. Например, вчера он постирал в стиральной машинке и развесил сушиться вещи, которые теперь высохли, и следующий час он потратит на то, чтобы их погладить и разложить по своим местам.

Варлам включил музыку и принялся за дело.

Аккуратным рядком, один к одному на раскладной сушилке висели сухие носки – он всегда развешивал их по подходящим друг другу парам, чтобы потом сразу снимать и вдевать один в один. Затем следовал аккуратный ряд сухих трусов и наконец, рубашки, штаны и футболки. Сняв с сушилки все вещи, Варлам тут же убрал всё, что не требовало глажки в комод, сложил и поставил за шкаф сушилку, а на её место тут же выставил гладильную доску и, включив утюг, принялся гладить рубашки, штаны и футболки.

Порядок был необходим Варламу во всём. Он не понимал и не хотел понимать тех, кто не следил за своим внешним видом, объясняя свою неопрятность разными странными аргументами, вроде того, что «мужчинам необходимо, чтобы рядом были женщины, иначе они перестают за собой следить». Варлам подобным «мужчиной» не являлся и полагал, что ежедневная гигиена, чистая одежда и опрятный внешний вид – это необходимость, которой следует придерживаться лично для себя из элементарного самоуважения. Если, конечно, ты считаешь себя цивилизованным человеком, а не домашним животным, которое не может жить без хозяйки, или хозяина...

А что, если бы ты, к примеру, оказался на необитаемом острове по типу Робинзона Крузо, что тогда?

Тогда – не знаю.

Тщательно выглаживая рукав рубашки, Варлам вслушивался в доносящиеся из компьютера голоса испанских певцов и пытался что-то переводить. Время от времени он отставлял утюг в сторону и вводил незнакомые слова в переводчик на телефоне. С первого раза они почти никогда не запоминались, но введя эту же фразу как-нибудь потом, повторно, он её уже, скорее всего, в дальнейшем запомнит.

Закончив гладить очередную вещь, Варлам сразу вешал её на «плечики», если то была рубашка, или брюки и аккуратно складывал, когда футболка, или трико.

Через восемнадцать минут со всей глажкой было покончено, он вынул из розетки штепсель утюга и поставил его «стоймя» остывать на пол, затем убрал все выглаженные вещи в шкаф, сложил гладильную доску и поставил её в угол, рядом с сушилкой.

Варлам выключил музыку, сунул под мышку «Бога-Императора Дюны» и пошёл на кухню. Там он достал из шкафчика чистую кружку, налил в неё остывший чай из French-press, немного подогрел в микроволновке и сел к окну читать.

Хлебнув из кружки, Варлам поборол искушение достать из холодильника пару шоколадных конфет, – это теперь было допустимо лишь после того как он вернётся из магазина, то есть, ближе к двенадцати. Природная склонность к полноте и малоподвижный образ жизни требовали некоторых ограничений в пожирании вкусной пищи. Варлам не хотел становиться толстым и не хотел отращивать «солидное брюшко». Как-то раз он читал статью об анатомическом составе пуза, где говорилось, что оно состоит из жира на внутренних органах, жира подкожного, газов и ещё всякого кишечного скопления шлака, кала и тому подобного. Когда у человека вырастает такое пузо, избавиться от него становится крайне затруднительно, и в большинстве случаев индивидуум, глядя на своих, таких же как и он, товарищей, просто-напросто постепенно смиряется с данным изменением в своём внешнем облике и далее так и живёт на протяжении всей своей жизни, худея в конечном итоге, уже только спустя много лет, лёжа в могиле.

Варлам не хотел проверять сможет ли он, в отличие от большинства, избавиться от пуза, когда таковое у него вырастит, а потому делал всё для того, чтобы такой проверки от него не потребовалось.

Варлам перевернул очередную страницу «Бога-Императора Дюны».

То есть получается, что этот мужик трансформировался в огромное чудовище – песчаного червя, и за счёт этого живёт три тысячи лет и единолично контролирует все дела?

Варлам так и не смог перестроиться на чтение электронных книг, и если то оказывалось возможным – читал исключительно бумажные.

Когда человек читает, он как будто бы совершает некое таинство – просветляется, или приобщается к чему-то Возвышенному. Даже когда книжонка никуда не годится и по большей части высосана из пальца, в ней всё равно может затеряться какая-нибудь маленькая крупичка чего-то полезного лично для тебя. И если тебе везёт, и у тебя получится это *полезное* осознанно заметить, то тогда ты можешь ощутить, что словно бы получил *личное послание* от самого автора, которое тот отослал сквозь время и расстояние неизвестным ему людям, а *Нечто третье* подхватило это послание и переправило своему адресату. В практическом смысле, это *Нечто третье* представляло собой вереницу случайностей, всяческих мелкожитейских казусов, в результате коих ты родился в то время и в том месте, где вокруг тебя мелькали люди, глядя на которых, ты рос и формировал собственные привычки, и одной из этих привычек оказалось чтение.

И вот ты приучился читать и уже собираешь свою собственную библиотеку. И вот тыходишь в книжный магазин, проходишь между рядами и останавливаешься в каком-то определённом месте, потому что там просто приятно пахнет, или твоё внимание привлёк яркий корешок какого-то огромного фолианта, прочитав надпись на котором, ты разочарованно уводишь взгляд в сторону и тогда твоё внимание будто бы само по себе вдруг останавливается на другой невзрачной книжке, которая как-то «неправильно лежит». И вот ты инстинктивно хочешь её поправить, чтобы стало «правильно», но вдруг другая книга, которую ты до этого даже и не видел, почему-то падает с полки и валится тебе прямо в руки. Ты ловишь свалившуюся книгу, но прежде чем поставить её на место, бегло читаешь интригующую аннотацию, смотришь на подходящую цену, и, наконец, как будто бы импульсивно покупаешь эту книгу. А позже, сидя дома и через силу заталкивая в себя сей, «напрасно купленный букинистический хлам», ты вдруг, без всякой связи с остальным текстом, неожиданно находишь ответ на какой-то полузабытый и давным-давно мучивший тебя вопрос.

И когда после всего этого ты задумаешься и последовательно проанализируешь всю вереницу случайностей и совпадений, что соединила через пространство и время твоё незнание со знанием давно умершего писателя, – ты начинаешь смутно осознавать, или как будто слепо *нащупывать* первые признаки понимания того, что на самом деле заключает в себе понятие «Бог».

Варлам перевернул очередную страницу.

Если бы я имел власть делать что-то для приобщения людей к чтению в нынешних реалиях, то я бы принял закон, чтобы людям платили за прочтение книги деньги. Не так, конечно, чтоб это превратилось в работу, а только небольшое поощрение и с определёнными ограничениями. Скажем, полторы тысячи рублей за одну книгу, но не больше одной книги в неделю. А чтоб не жульничали – специальная комиссия, которая контролирует процесс. Туда нужно прийти по записи и в присутствии уполномоченного лица сесть за стол и написать краткое изложение той книги, которую прочитал, от руки на бумаге. А потом отдать эту бумагу и получить полторы штуки. А затем сдать сюда же, в библиотеку ту книгу, которую прочитал и можешь взять новую, на следующую неделю. Только чтоб книги все самые лучшие – русская и зарубежная классика, шедевры научной фантастики, исторические и т.п. Чтоб даже если сначала с отвращением и тяжело, но после всё равно поняли ценность, привыкли

и приучились читать уже бесплатно. Да-да, лимит – на одного человека не более ста книг, то есть сто пятьдесят тысяч рублей.

Дабы перестать думать о постороннем во время чтения, Варлам прибегнул к испытанному способу и принялся читать вслух. Это срабатывало далеко не всегда, и часто требовалось прочитать таким образом не меньше трёх страниц, прежде чем мозг прекращал «витать в облаках» и окончательно сосредотачивался на повествовании. Чётко выговаривая слова, будто впечатывая смысл, он прочитал подряд шесть страниц и, почувствовав сухость в горле, сделал несколько больших глотков чая.

Удостоверившись, что осмысленное чтение налажено, Варлам стал произносить слова тише, а затем снова погрузился в безмолвное чтение.

Проглотив по инерции ещё восемь страниц, он вложил закладку и закрыл книгу.

Допивая чай, он глянул на циферблат часов на микроволновке. «10.21» – отличное время для будничного моциона и похода в магазин.

Варлам вымыл кружку, поставил её вверх дном на полку с сушилкой для посуды и ушёл в комнату одеваться.

Посмотрев в телефоне погоду, он оделся, вернулся на кухню взять пакет для покупок, аккуратно сложил его вчетверо и спрятал в карман рядом с кошельком. Затем Варлам сходил «на дорожку» в туалет, сполоснул руки, прихватил в прихожей пакет с мусором, обулся и вышел из квартиры.

Квартира Варлама находилась на пятом этаже панельной девятиэтажки, но спускался и поднимался домой он почти всегда по лестнице, делая исключения для поездки в лифте не чаще двух-трёх раз в год – исключительно ради того, чтобы удостовериться, что у него нет клаустрофобии.

Эта небольшая ежедневная нагрузка вкупе с тремя-четырьмя километрами пешей прогулки в магазин и обратно, помноженные на 340 дней в году (за минусом редких исключений в связи с сильным нездоровьем, или сильной непогодой) полностью заменяли Варламу разного рода «приседания со штангой», а также любые другие специальные упражнения для тренировки ног.

Поскольку «качаться» для участия в соревнованиях по bodybuilding, или для изготовления и публикации своих эротических фотографий, он не стремился, а всего лишь хотел поддерживать свой организм в нормальной физической форме, данный комплекс повседневных упражнений «между делом», в сочетании с описанной ранее зарядкой и двухминутной «тренировкой» с гантелей, – полностью его удовлетворял.

Варлам медленно спускался по ступенькам, зачем-то считая их про себя на манер танцевальных ритмов и то и дело отвлекаясь от этого счёта на разнообразные беспорядочные мысли:

Раз-два-три... рутина-рутина... пять-шесть-семь... вся наша жизнь – это рутина и fuck up. Девяносто процентов рутины и десять процентов fuck up. Размеренная повседневная скукота с периодическими перерывами на внезапный аврал. Два-три-четыре, шесть-семь-восемь. Правда, ещё иногда бывает и умеренная блажь. Немного радости детишкам принесла. Поглощение белков, жиров и углеводов. И размножение. Кончил в тело – рожай дело. Деловой центр планирования семьи. Малый business. Первоначальное накопление материнского капитала. Раз-два-три, пять-шесть-семь...

Заглянув мимоходом в почтовый ящик, Варлам вынул несколько рекламных буклетов и, не глядя, пристроил их в руку к пакету с мусором.

Сразу по прямому назначению – в мусорный бак! Не теряя времени. Круговорот рекламы в природе. Сколько книг можно было напечатать? Деньги, интересно, делают из такой же бумаги? Нет, там, наверное, какая-то специальная, с примесями, чтоб отличалась, а это простая – напечатать рекламу и получить взамен напечатанные деньги, продайте нам ваши

деньги – платим рекламой! Дай! Деньги-деньги! Дай! Электронным переводом, чтоб по карточке без специальной бумаги, а я тебе рекламу! Сделка! Продавать!..

Варлам нажал кнопку и под звук приглушённого гудения, толкнул от себя тяжёлую входную дверь. Первое, что он увидел, выйдя на улицу, были две крысы: одна здоровая, почти как такса, вторая худая и жалкая, аж кости видны – она жадно пила из лужи. Та, которая почти как такса, тут же юркнула в щель подвала, а худая и жалкая затравленно дёрнулась, но не убежала, а продолжила пить – видать для неё это был вопрос жизни и смерти, и она торопилась напиться, пока из подворотни не выскочит кошка.

А если, допустим, убить сейчас эту крысу – это будет добро, или зло? Они же болезни всякие переносят. Говорят, ночью даже может губу откусить, если человек спит в подвале, или там ещё где-нибудь, где они бывают. А так, конечно, она ведь ничего плохого не делает – просто хочет выжить и больше ничего. Попить и поесть, покакать и пописать. Поспать. Размножаться, если получится. И всё. Большие крысы ничего не надо. Даже должность никакая ей не нужна с хорошей зарплатой и карьерным ростом. И выгодные покупки ни к чему, и дивиденды, и валюта, и приличный автомобиль, и депутатом она не хочет становиться, и федеральной судьёй. И недвижимостью за границей ей не нужна, и взятки крысы не берёт и не даёт, и продавать ничего никому не пытается и не manager, и даже не мошенница.

Самозабвенно погрузившись в бурный поток сознания, Варлам словно бы в трансе пересёк двор и приблизился к мусорным бакам. Раньше в их домах все пользовались мусоропроводом, но постепенно почти на всех этажах, по примеру власть имущих, самовольно приватизировавших всё, что нельзя, жители, в порядке своей собственной микро-приватизации, позакрывали ниши, где проходила мусоропроводная труба, железными решётками и дверями, добавляя, тем самым, в свою «частную собственность» лишние квадратные метры не то от латентной жадности, не то в целях складирования разного бесполезного хлама, который не уместился в их стандартной домашней кладовке и который, как им казалось, мог бы им когда-нибудь для чего-нибудь непременно пригодиться.

Впрочем, Варлам по данному факту несколько не расстраивался, поскольку полагал, что относить мусор в некоторое отдаление от жилища – это вполне нормально, и если бы так делали регулярно и все, то в их общих, пока не «приватизированных», подвалах водилось бы гораздо меньше крыс.

Закинув в бак тщательно завязанный (чтоб не воняло), пакет с мусором, вместе с нечитанными рекламными буклетами из почтового ящика, Варлам развернулся на сто сорок градусов к северу и не спеша направился в сторону большого магазина самообслуживания.

Одновременно с этим внешним манёвром, в его голове произошёл и манёвр внутренний, где уже само собой сменилось направление его неиссякаемого потока сознания:

Ну а что там насчёт иностранных слов? Понатыкали их во все дырки и с каждым днём всё больше и больше. Скажем, internet – это слово уже никому и в голову не придёт считать иностранным. А ты только зайди туда и посмотри, что там сегодня молодёжь говорит и пишет! Тут уж словарь надо всё время под рукой иметь, хотя какой там словарь, если они все эти словечки произносят как бы по-русски и русскими буквами их пишут. И каждый день опять какое-то новое. Лезут повсюду, будто бы сами собой и из всех щелей – прям, как та крыса, а потом проходит некоторое время и вот они уже словно бы и не иностранные, а свои (ррродненькие!) – всё равно, что внедрились. Диверсанты. Агентурная сеть. Лингвистический шпионаж.

Американизмы.

Американист.

Американист – это тот, кто занимается американизмом.

А-ме-ри-ка-ни-ру-ет.

What's of fuck? Dirty mouth! Onlyshit! Fuck the...

– Здорова, Варлам.

Он вздрогнул от неожиданности и увидел бородатого субъекта, приветственно протягивавшего ему руку.

Ты кто?

– Здорово.

Пожал руку.

В действительности, они все сейчас отрицают «модную» бороду потому, что им просто лень бриться.

Лицо как будто бы было смутно знакомым, но чьё оно было конкретно – Варлам совершенно не помнил. Кто-то из соседних дворов, что-то из детства, или из юности, или где-то вместе учились? Или это так только кажется, потому что оно Варлама откуда-то знает, и, стало быть, Варлам его тоже не знать не может?

Но лицо всё-таки было знакомое.

– Чё, как сам вообще, чем занимаешься, работаешь? – приступило ближе к делу знакомое лицо.

– Да так... нормально.

– Работаешь?

– Да, работаю.

– Где?

– Да дома.

– В смысле? – насторожилось знакомое лицо.

«Не вздумай подсмеиваться надо мной!»

– Ну, я пишу.

– Чё пишешь? – задав свой очередной вопрос, лицо оставило рот приоткрытым и чуть-чуть выпятило вперёд нижнюю челюсть.

– Ну, там... статьи всякие пишу, рецензии, – сказал Варлам и поспешил добавить, – для журнала одного, у меня там дядя главный редактор.

– Ясно. Платят нормально? – задало главный вопрос лицо.

– На жизнь хватает.

– Полтос платят?

– Да ну нет, конечно, меньше.

– Со-ро-кет? – настаивало лицо.

– Меньше.

– Чё, тридцатку?! – не сдавалось лицо.

– Ну, почти, чуть-чуть поменьше.

Глаза знакомого лица изумлённо выпучились.

– Меньше тридцатки?! Это-ну-как-бы... кхм... да-а! Ну, окей. А чё там в остальном, чё-как? Женился хоть?

– Неа, – почти весело ответил Варлам.

– Ну-ну, понял-понял. С меньше тридцатки-то оно не больно-то наженихаешься, – покровительственно хохотнуло лицо. – Ну а там это, тёлки же есть вообще какие-нибудь, туда-сюда? – залихватски подзадорило лицо.

– Неа, нет! – отрывисто произнёс Варлам и тут же с силой сжал челюсти, чтоб не засмеяться, но лицо решило, что это он чуть не плачет и с сочувствием начало озвучивать свой очередной вопрос:

– Как же ты...

Однако тут его требовательно окликнул кто-то из остановившейся позadi машины, и лицо поспешило на зов, проговорив на прощанье:

– Ладно, Варламушка, не печалься, рад был видеть. Будь здоров!

И не дожидаясь ответа, лицо юркнуло в ожидавшую его машину.

Усмехнувшись про себя, Варлам медленно продолжил свой путь.

Кто это был, он так и не вспомнил, однако обрамлённая волосами кругообразная физиономия вызвала у него ассоциации с какой-то разновидностью обезьяны, которую он как-то видел в передаче про животных.

Только у той морда была ярко красная и глаза полностью чёрные и чуть поближе друг другу, а в остальном очень даже похоже. Хотя вообще-то ему ещё надо немного бороду подбрить вокруг губ и на щеках, как они там некоторые делают – вот тогда прям один в один будет!

Варлам пересёк трамвайные пути и остановился на светофоре. Несмотря на то, что время было не пиковое, машин по проезжей части всё равно сновало множество, а все парковочные пространства, что попадались Варламу на глаза, были забиты под завязку. Машины тесно жались одна к другой, а кое-где как будто даже «наслаивались» на бордюры и пешеходные дорожки.

Как те капсулы в фильме «Матрица», в одной из которых очнулся главный герой, после того как красную таблетку съел. Или как ещё в ужасниках про инопланетное вторжение, когда всякие чудовища яйца свои откладывают повсюду, одно ко второму, по типу как пчелиные соты, пупырышками; вздутые; целые плантации яиц с уродскими зародышами внутри...

Какой у вас шикарный автомобиль, мужчина!..

Какому банку вы за него должны?..

И едут ведь, большинство, на расстояния в два-три километра.

А потом им требуется абонемент в тренажёрный зал, чтоб раз в неделю ходить на беговой дорожке – насколько хватит запала, прежде чем забросят, потому как даже это им лень в выходные после конца рабочей недели, когда, к тому же, нажрался ещё в пятницу как мразь последняя!..

Он шагал по пыльному асфальту и, подмечая издали направления с наименьшим количеством других пешеходов, заблаговременно выбирал те дороги, где было больше свободного пространства и, временами, маневрировал то правее, то левее.

Сначала «Варлам», а как узнал, что «меньше тридцатки!», так моментально «понижил» до «Варламушки». А как ты хотел? Если ещё и не женился вдобавок и даже «там тёлочки, туда-сюда» нету.

Бедная, глупая обезьяна...

«Как же ты...» – а ты попробуй-ка отгадать с одного раза, дружок.

Стыдитесь того, что мастурбируете?

А того, что мочитесь и опорожняете кишечник – тоже стыдитесь?

«Жизнь Клима Самгина» читал, брат? Максим Горький, знаешь, есть? Так вот, там сказано было, что онанизм – это способ достижения независимости от женщин. А по-простому – способ управления своими животными инстинктами, или, если угодно – их подавления. Когда, например, эти инстинкты пробуждаются не к месту и не ко времени. Этим даже Диоген в Древней Греции занимался: мужик онанировал прям на улице у всех на глазах! Античный эксгибиционизм? Нет. Эталон абсолютной свободы от общественного мнения и материальных ценностей:

«Проси у меня всё, что хочешь!»,

«Отойди, ты загораживаешь мне солнце...»

Сколько разводов удалось бы избежать и сколько семей сохранить, если бы в нужный момент он просто сходил лишний раз в сортир подрочить? Да ну, что вы, это же классика! Канонический сюжет! Мелодрама! Сказание о том, как две свиньи случайно встретились на одном перекрёстке и, безвольно увлекаемые своими свинячьими позывами, незамедлительно упали в грязь спариваться. С кем не бывает?.. В жизни же всякое может случиться. Слу-

чатся. Любовь и голуби. Члену ведь не прикажешь. Особенно если на корпоративе с коллегами и «для храбрости» хлебнувши винца, или пивка, или коньячку, или водочки. А таам! Ээх! Будь, что будет! «Пьяная баба... ..»

Половина пути была пройдена. Из-за непрерывной мыслительной деятельности у Варлама начала побаливать голова. Он попытался заставить себя перестать думать, и принялся внимательно смотреть по сторонам, разглядывая птичек, зелёные насаждения и другие скудные проявления ущербной городской природы. Обычно это срабатывало и, возвращаясь с прогулки домой, он, как правило, умудрялся как следует проветрить мозги, перед тем как вернуться к своей писательской деятельности. Однако сегодня словно бы что-то пошло не так, и, рассматривая маленькую серую птичку с чёрным клювиком и беловатой грудкой, он вдруг начал отчаянно вспоминать как она называется. Птичка бегала сбоку по гравию между деревьями, быстро-быстро перебирая тоненькими ножками, точно подзуживая Варлама: «вспомни-вспомни!»

Недавно же только искал про неё в Сети – кучу картинок пересмотрел, прежде чем найти. Щеквашика? Не. Горлица? Да ну, какая в п... горлица! Горлица это наподобие голубя, кажется... Клюводранка? Щуплокрашка?

Да ну на х...!

Птичка коротенько чирикнула и обиженно улетела прочь.

Ага! Трясогузка! Трясогузка! Точно!

Варлам прошёл уже почти весь отрезок пути, впереди показался перекрёсток с «финишным» светофором через широкую автомагистраль, сразу за которой находился нужный ему продуктовый магазин. Светофор отсчитывал секунды до следующего переключения сигнала, и, видя, что стоять и так и так придётся, приближаясь к перекрёстку, Варлам снизил скорость прогулочного шага до стариковского.

Остановившись, он заложил руки за спину и огляделся.

Слева, на опору наружного освещения кто-то некрасиво приклеил какое-то «социальное» объявление, сверху которого крупными буквами было напечатано «ТЫ НЕ ОДИН». Повинуясь внезапному импульсу, Варлам протянул руку и, поскребя ногтем, брезгливо соскоблил из фразы частицу «не».

Вот так-то оно лучше, господа несостоявшиеся товарищи. А главное – честно. Все вы уже настолько сильно привыкли притворяться и лгать, что миазмами вранья пропитались уже даже листовки с вашей показной благотворительностью, которую вы организовали исключительно в икурных интересах, потому как на ваших тренингах по бабломании вам было доходчиво объяснено про некое правило «брать-давать». Оттого-то вы все теперь и корчите из себя добряков и «помогаете» несчастным, одновременно скрывая от мира своё жадное нетерпение, так как те же тренинги научили вас, что «нельзя ни в коем случае ждать отдачи», ибо «вселенная отдаёт» лишь нежданно и на то, что было дадено с вашей стороны бескорыстно. «Ну что же ты, Вселенная? Не видишь что ли, как мы стараемся и сколько уже истратили на этих убогих ублюдков! Дай же нам, наконец, денег, дай!»

Загорелся «зелёный» и призывно запищал сигнал для слепых. На светофорном циферблате начался обратный отсчёт. 20 секунд – время, отведённое на то, чтобы пешеходы могли пересечь три полосы движения вправо и три влево. Звуковой сигнал для слепых, при данных обстоятельствах, казался какой-то насмешкой, поскольку даже зрячему и относительно здоровому мужику, Варламу, упомянутого отрезка времени для пешего перехода проезжей части обычно хватало впритык, да и то зачастую приходилось ускорять шаг, так как с второстепенной дороги постоянно торопились прошмыгнуть, поворачивающие на главную автомагистраль, машины.

Вот вам и пожалуйста: ещё одно доказательство тому, что общество наше давно и безнадежно страдает болезнью под названием гангрена души. Все они, поэтому, душевнобольные (не путать с сумасшедшими).

Признаки развития гангрены души проявляются следующими характерными симптомами: жадность, трусость, чревоугодие, ложь, лицемерие, зависть, ревность – как разновидность жадности в сочетании с неуверенностью в себе, то есть, с разновидностью трусости.

В качестве стимулирующего средства для прогрессирования гангрены души используется алкоголь, никотин, а также другие наркотические вещества, психотропные средства и их аналоги. Вредная физиологическая зависимость в сочетании с регулярным опьянением позволяет говорящим людям закрывать глаза на свои проблемы с душевным здоровьем и помогает им делать вид, что они полностью нормальны и абсолютно здоровы, а перечисленные симптомы, тем временем, всё больше и безобразнее вступают в свои гангренозные права собственности над их больными душами...

Перед Варламом распахнулись автоматические двери магазина самообслуживания. Взяв у входа пластмассовую корзину для покупок, он быстро вспомнил список продуктов, которые собирался сегодня купить. Когда-то давно Варлам такие списки покупок писал от руки на листе блокнота и носил этот лист с собой в магазин, однако позже он отказался от этой практики с тем, чтобы тренировать память и принялся составлять список покупок мысленно, с обязательной нумерацией, ибо так запоминалось лучше. Поскольку в целях, о коих уже упоминалось ранее, Варлам ходил в магазин ежедневно, итоговое количество повседневных покупок редко превышало цифру «5», и в связи с этим он почти никогда не забывал купить ничего из необходимого.

Обходя редких покупателей, он остановился возле стеллажей с фруктами, выбрал два наиболее привлекательных на вид яблока, сложил их в фасовочный пакет, взвесил на стоящих тут же весах и наклеил, «выплюнутую» этими весами наклейку со штрих кодом. Затем Варлам проследовал к холодильнику с молочной продукцией и положил в корзину бумажный пакет с кефиром. Потом он бегло просмотрел ценники на двухсотграммовых кусках твёрдого сыра и, выбрав среди удешевлённых «по акции», взял один из них.

После этого, он прошёл к бакалейным полкам, где добавил в корзинку упаковку гречки и пачку хлебцев с клетчаткой.

Всё.

Собрав запланированные на сегодня продукты, Варлам подошёл к кассе самообслуживания, привычно отсканировал все покупки, сложил их во взятый из дома пакет, расплатился, убрал с кассовой полки пустую корзину и вышел из магазина.

Бедные, бедные люди, ведь пролетает же ваша жизнь как одно мгновение, а вы всё никак не можете этого доподлинно осознать. Только и знаете, что песенки популярные по пьяни на эту тему распевать: «есть только миг между прошлым и...» – а то, что вы этот самый миг прямо сейчас бездарно растрачиваете, угнетая свой и без того многострадальный разум одурманивающим питьём – это как?.. Впрочем, вы сами здесь виноваты далеко не во всём. Такими вас сформировала объективная реальность, которая была сконструирована не вами и не в ваших интересах.

Стоя на светофоре, Варлам почему-то «зацепился взглядом» за медленно проезжающий перед ним троллейбус. Из-за небольшого автомобильного затора впереди, этот троллейбус остановился, и тогда в его окне Варлам вдруг увидел *глаза*. Он даже и не рассмотрел толком, чьи эти *глаза* были – мужчины, или женщины, не обратил внимания на общее выражение лица, на котором были *глаза* и на окружающую обстановку внутри троллейбуса. Он как будто видел одни только зрачки и радужные оболочки вокруг них и от этого в нём пробудилось чувство, которого он ранее никогда не испытывал. Он как будто бы ощутил соприкосновение с *чем-то...бесконечным*, словно бы перед ним на какую-то долю секунды приоткрылась некая дверь,

и за этой дверью оказалось что-то необычайное, что-то такое, что, как оказывается, всегда было и в этих глазах, и в нём самом, и вообще во всех окружающих людях, однако до сего момента это *необычайное* никогда ему не было заметно. Да *его* сейчас никто не замечает и не догадывается, что *оно* вообще существует. Это *нечто* было общим для всех, оно было *главным, божественными истинным*.

На какой-то краткий миг материальный мир вокруг Варлама словно бы и вовсе перестал существовать. Всё в этом мире показалось ему вдруг неважным: все тревоги, печали и радости – всё это стало ничем. А важным было лишь это новое чувство и эти *глаза*, которые без воли своего хозяина каким-то немыслимым образом, как будто бы *сами по себе* приподняли перед Варламом завесу, за которой скрывалась *истина*.

Так вот, значит, что на самом деле представляет собой Просветление.

«*Мимолётное соприкосновение с божественным единением*» – так, пожалуй, описал бы данную ситуацию Варлам, если бы ему довелось позднее всё это тщательно вспомнить и проанализировать.

В реальности, это необычайное чувство продлилось каких-нибудь две-три секунды, после чего бесследно исчезло. «Волшебные глаза» вдруг сделались обычными и неинтересными, троллейбус тронулся, и возвышенное чувство сразу же испарилось. Осталось лишь смутное воспоминание, как то бывает в момент пробуждения от прекрасного сна, и всё то, что совсем недавно казалось понятным и естественным внутри этого сна, быстро и основательно поглотила серая повседневность, беспощадно лишив сновидение драгоценного смысла и выбросив всё его содержание на задворки памяти...

Варлам перешёл дорогу, переложил пакет с продуктами из правой руки в левую и, ускорив шаг, поспешил обратно домой. Мысли его теперь уже не блуждали в хаотичном потоке сознания, Варлам последовательно обдумывал содержание очередной большой статьи, которую собирался написать во второй половине рабочего дня.

На полпути к дому, он почувствовал в кармане вибрацию звонящего телефона и торопливо его вытащил. Звонить мог либо Роберт, либо мошенники по продажам. Он взглянул на экран телефона: «Роберт».

Варлам нажал кнопку принятия вызова, но звонок уже оборвался – видимо, вибрировало уже давно, а он заметил лишь под конец. Варлам собрался тут же перезвонить, но его неожиданно отвлекли:

– Извините, пожалуйста, вы не могли бы нам помочь.

Варлам оторвался от телефона и повернул голову на зов.

Перед ним стоял ничем не примечательный мужичок лет сорока и заискивающе улыбался.

Не дам я тебе денег, отъе...

Ничего не произнося, Варлам сделал полувопросительное движение головой, ожидая услышать краткую предысторию легенды из серии «скажу как есть» и, сразу ответив «нет», собирался избавиться от попрошайки.

Но это оказался не попрошайка.

– Да мы тут немного заблудились, из другого города на машине приехали, сейчас вот никак не получается по карте понять куда нам ехать... – незнакомец беспомощно развёл руками и жалобно смолк.

– Ну? Куда вам надо? – спросил Варлам.

Незнакомец тут же засуетился, как бы обрадовавшись:

– Сейчас-сейчас... вот здесь машина наша, собственная... там друг мой за рулём... чтобы нам так это... то и то... ну вы сами, конечно, знаете, как оно обычно бывает... чтобы ну... надо всё сразу правильно, а не... ну вот... приятель сейчас же так... он этак получше меня всё

поймёт... он же ну это... ну точно, да. Спасибо вам огромное, молодой человек!.. Вы единственный...

Мужичок скороговоркой бормотал всё это и что-то ещё с какой-то бархатно-ласкающей интонацией и, вежливо дотрагиваясь до Варлама, незаметно увлек его куда-то в сторону.

Варламом будто бы овладела какая-то блажь, от звука голоса незнакомца он ощутил какое-то приятное щекотание где-то у основания шеи. Это приятное щекотание словно бы нежно покалывало и казалось, в общем, каким-то расслабленно-умиротворяющим. Приятное щекотание-покалывание как будто бы опускалось от шеи всё ниже, к грудной клетке и далее распространялось по всему телу, создавая какую-то повсеместную мягкую скованность.

Точно пьяный, Варлам машинально убрал телефон в карман, по привычке переложил пакет из одной руки в другую и, смутно начиная ощущать тревогу, нахмурился.

– Вот-вот, – ласково сказал незнакомец и неожиданно громко крикнул:

– Олег!

Дальше Варлам уже почти ничего не осознавал, он лишь мельком отметил пустынную арку многоквартирного дома, деревья и открытый багажник тонированного автомобиля. Перед лицом кто-то брызнул каким-то аэрозолем с резким запахом, и моментально теряя сознание, Варлам стал падать, однако его ловко подхватили чьи-то сильные руки и аккуратно уложили в багажник, бросив рядом с обмякшим телом пакет с продуктами.

Дверца багажника глухо захлопнулась и машина уехала.

Когда в жилище человека заводятся паразиты – хозяин приглашает специалиста, и тот, надев респиратор, травит паразитов разными вредными веществами, а хозяин, тем временем, покидает свой дом и возвращается в него обратно, только когда процедура будет проведена до конца – паразиты уничтожены, а все жилые помещения проветрены. Так же может происходить и во время капитального ремонта квартиры – хозяин временно её покидает и возвращается жить дальше, когда ремонт закончен.

Однако если дом, в котором жил человек обрушится в результате взрыва, или просто рухнет от времени – в него вернуться уже никак не получится, и тогда бывшему жильцу придётся отправляться в странствия на поиски нового жилья.

Примерно то же самое, как казалось Варламу, должно было происходить и с человеческим телом, внутри которого жил в период его биологического функционирования, хозяин этого тела. В пользу правильности подобной теории говорили, например, такие явления как общий наркоз во время операции, состояние комы, или даже просто обычный сон.

В такие моменты, из тела как будто выходит тот, кто мог бы почувствовать боль, когда, к примеру, сверлят череп, или разрезают брюшную полость и удаляют аппендикс – «травят клопов», «меняют унитаз», «красят стены». Затем операция («ремонт места жительства») заканчивается и хозяину сигнализируют о том, что можно возвращаться. Человек ПРИХОДИТ в сознание и продолжает жить в своём «доме» ещё сколько-то времени. И так продолжается до тех пор, пока однажды его «дом» тем или иным способом не делается «аварийным» и совершенно непригодным для проживания. И тогда, оказавшись по тем или иным причинам в очередной раз без сознания (выйдя из тела), его хозяин в него уж более не возвращается, а остаётся на неопределённое время и с неопределёнными перспективами ТАМ, где он доселе уже и так много раз бывал, ну хотя бы когда просто спал.

Ещё до того как он окончательно очнулся, Варлам почувствовал, что руки и ноги у него накрепко привязаны по всей длине: от кистей до плеч и от лодыжек до бёдер. Кроме того, привязанной оказалась и грудная клетка, так что пошевелиться не оставалось почти никакой возможности.

Таким образом он был зафиксирован в положении «сидя». Двигать можно было только головой, которая, в данный момент, безвольно обвисла. Впрочем, как ни странно, положение это не доставляло Варламу никакого физического дискомфорта, у него даже не было головной боли, несмотря на недавнее одурманивание.

Видать, качественную они используют наркоту, когда идут на дело.

«Они» – это кто? И что за «дело»?

Открыв глаза, Варлам сначала осмотрел себя. Он был пристёгнут многочисленными ремнями к массивному металлическому стулу, который, в свою очередь, был намертво прикручен болтами к бетонной поверхности пола.

Варлам огляделся по сторонам. Он находился в невзрачной комнате без окон, освещавшейся ярким электрическим светом. Кроме него в этой комнате были ещё двое: первый сидел за столом справа и копошился в каком-то компьютерном оборудовании, а второй развалился в огромном кресле почти напротив Варлама и просматривал какие-то бумаги. Казалось, что оба этих человека были настолько поглощены своими занятиями, что даже не заметили, что их пленник уже пришёл в себя.

– Что за на х...? – хриплым голосом спросил Варлам.

Тот, что развалился в кресле с бумагами, словно бы нехотя оторвался от чтения, отложил бумаги в сторону и устремил на Варлама холодный взгляд.

– Ну вот, не успел пробудиться и моментально всякую гадость извергает этот наглый рот! Предупреждаю тебя в первый и последний раз: никаких ругательств! Я запрещаю! Терпеть не могу грязное сквернословие! Понятно тебе?! Не смей! Иначе будешь жестоко наказан! Я отрежу твой язык!

Пока неизвестный субъект возмущался по поводу «грязного сквернословия», Варлам тщетно пытался предположить кто и для чего мог его похитить и одновременно внимательно рассматривал внешность говорившего.

Это был пожилой, или даже старый мужчина умеренной полноты с седыми волосами вокруг затылка на макушке. Его загорелая кожа была явно обработана какими-то специальными средствами омоложения и потому, на фоне общей стариковской фигуры, кожа эта казалась какой-то вульгарной и противоестественной. Сей молодящийся старец был облачён в какие-то неведомые бархатно-шёлковые одежды, внешний вид которых вызывал ассоциации не то с экзотическим спортивным костюмом, не то с больничной пижамой. Голос у старика был тихий и властный, чем-то напоминающий змеиное шипение. Говорил дед с каким-то едва заметным иностранным акцентом, однако без каких-либо видимых затруднений. Закончив своё предостережение о недопустимости ругательств, он задумчиво погладил свой гладко выбритый подбородок и, видя, что Варлам не собирается ничего говорить, обратился к тому, кто сидел за столом с компьютерами:

– Смотри-ка, а всё ж таки необычная у него реакция, не визжит, не орёт. Думает даже ещё что-то в этой ситуации. Размышляет! Похоже, подтверждается пока твоя теория, мой друг. Молодец!

Компьютерщик учтиво привстал и поклонился:

– Благодарю Вас, Господин.

«Господин?!»

– Кто вы такие? – крикнул Варлам. – Что тут такое происходит?

– Ну вот, – фыркнул старик из кресла, – начинается истерика. Сглазил!

Но истерики не было. Задав вопросы, Варлам молча ждал на них ответы, и тогда, выдержав короткую паузу, молодящийся старик сообщил своим властным змеиным голосом следующее:

– Меня зовут Иеремия Пётр Четвёртый Рокфильд-Ротшеллер. Моя семья владеет богатством на общую сумму 3,3 триллиона долларов. Я принадлежу к числу тех, кого некоторые

люди твоего уровня ничтожности именуют глупым термином «мировое правительство». А это, – он кивнул в сторону человека за столом, – доктор Сулейман Бабай, один из моих лучших учёных. Что касается до твоего второго вопроса, то говоря коротко, здесь происходит величайший научный эксперимент, расходным материалом для осуществления которого, являешься ты, Варлам.

Розыгрыши? Кто? Зачем? Ничего не понимаю. Ничего. Замолчал, смотрит на меня, ждёт реакции, а потом наверно в какой-то момент произойдёт что-нибудь дебильно-несмешное, как во всяких идиотических шоу. Хлопушка, смех, декорации падают. Улыбайтесь, вас снимает скрытая камера!

Варлам сказал:

– А не коротко?

– Не понял?

– Ну, вы давеча сказали «говоря коротко», упоминая про эксперимент, а мне хотелось бы узнать подробно, коль скоро я в роли подопытного кролика.

Человек в кресле усмехнулся:

– Нет-нет, дружок, не переиначивай смысл, я не говорил, что ты в нашем эксперименте «подопытный кролик». Я сказал, что ты являешься расходным материалом.

– Я понял-понял, как скажете. Ну, так что же, нельзя ли подробнее?

– Отчего ж нет? Можно! – заулыбался молодящийся старец. – Сулейман, у нас ведь достаточно времени для небольшой лекции?

– Сколько Вам угодно, Господин. Аппаратура работает исправно и выполнит свою функцию в любой момент.

– Ну что ж, – азартно поменял позу сидения в кресле старец, – тогда я начну с плохой для тебя новости, Варлам, а то уж больно несерьёзно ты относишься к своему теперешнему положению. Дело в том, что через несколько минут закончится твоя жизнь, потому что я тебя убью.

А ну конечно, кто бы сомневался.

– Вижу, ты мне не веришь, думаешь, наверное, что это какая-то шутка.

Именно это я и думаю, ё... ты, восковая фигура.

– Ну да ладно, думай, что тебе угодно, дорогой мой материал.

Спасибо, тварь!

– В общем, как я уже сказал, моя семья является одной из тридцати четырёх самых богатых и влиятельных семей этого мира. Мы распоряжаемся президентами, главами правительств и прочей высокопоставленной челядью, потому что именно мы разрешаем занимать всем этим людям их высокие посты, и предоставляем им все их материальные блага, которые в любой момент можем отобрать вместе с жизнями их близких людей...

И вот, ты оторвался ото всех своих могущественных дел, собственной персоной специально приехал в провинциальный Российский город и встретился с моим ничтожеством, чтобы только всё это мне поведать.

...здесь нет никакой мистики, это всего лишь рутина, помноженная на столетия планомерного развития и преумножения нашей власти. История моей семьи, к слову сказать, уходит своими корнями во времена Древнего Рима. Мы из поколения в поколение укрепляли своё могущество и таким образом, действуя слаженно и сообща с другими Великими Домами, дошли до наших времён...

«Великими Домами!» Какой кретин! Не мог ничего получше придумать!

...короче говоря, проблема у нас была и остаётся только одна: рано, или поздно мы все умираем так же, как и обычный скотоподобный люд, вроде тебя. А это неправильно, ибо боги умирать не должны...

Совсем е... дед! Что несёт? Неужели по сценарию так задумано?

...эта проблема, решением коей занимаются самые лучшие умы человечества, то есть наши персональные учёные. Вот как, в частности, доктор Сулейман Бабай, – старец небрежно махнул рукой в сторону компьютерщика.

Как он там сам-то назвался? Ах, чёрт, забыл! Надо бы переспросить, а то потом уже ни за что не вспомню!

– Простите, пожалуйста, мою наглость, – сказал Варлам, подыгрывая разыгрываемой пьесе, – я был в шоке и потому не запомнил вашего имени, не могли бы напомнить?

– Да врешь ты всё, ни в каком шоке ты не был. Хитроумное создание. Всё думаешь, что в постановку какую-то тебя вовлекли, – вздохнул старец. – Иеремия Пётр Четвёртый Рокфильд-Ротшеллер – так звучит моё полное имя, но, разумеется, без учёта моих многочисленных титулов...

Иеремия Пётр Четвёртый Рокфильд-Ротшеллер, Иеремия Пётр Четвёртый Рокфильд-Ротшеллер, Иеремия...

– Запомнить пытаешься? Зря стараешься, ты ведь совсем скоро умрёшь, забыл что ли? – напомнил Иеремия Пётр Четвёртый Рокфильд-Ротшеллер.

– Да я просто это... не, ничего. Так вы говорили про учёных, изучающих бессмертие. Пожалуйста, продолжайте, умоляю вас.

Иеремия зловеще усмехнулся.

– Должно быть, тебя удивляет, почему я так хорошо говорю по-русски? А ещё ты спрашиваешь себя, как так вышло, что человек моего уровня снизошёл до твоего убогого низа. Что ж, изучение иностранных языков – это моё давнее хобби, я, знаешь ли, свободно разговариваю на семи. А лично приехал в это государство и в этот город я потому, что данный эксперимент мои учёные ещё только начали, и в первых опытах я пожелал принять участие лично. Если угодно – просто от скуки. И вот, так уж вышло, что первые удачные образцы того материала, что нам требуется, были обнаружены, в том числе, и здесь. И в силу того, что я давно не посещал Россию, я решил таким образом соединить несколько дел в одно. Или, как у вас ещё говорят: убить двух зайцев одним выстрелом.

Да-да, как скажете, господин клоун.

– Так что же всё-таки за опыты? – спросил Варлам. – И нельзя ли освободить меня хотя бы от части ремней?

– Бессмертие, конечно, вопрос главный, – задумчиво проговорил Иеремия Пётр Четвёртый, проигнорировав последние вопросы Варлама, – однако, чтобы подступиться к этой проблеме, мы вынуждены предварительно изучить огромное количество других деталей, которые нас тоже довольно сильно беспокоят. Тебе никогда не понять, что такое: родиться в семье, подобной моей, ты ведь всего лишь нищий, полуголодный писателишка без перспектив какого бы то ни было роста, да и вообще без будущего.

– Ну, это вы зря, – ввернул Варлам. – Я всегда ем досыта, даже время от времени толстею, когда увлекаюсь с шоколадом.

Старец как будто бы погрузился в себя и потому отреагировал на реплику Варлама с запозданием.

– Что? Ах, это ты всё балагурить пытаешься, мой бедный малыш. Так и не поверил мне? Ну, дело твоё.

– Да нет, я верю. Верю! И внимательно всё слушаю. Вы остановились на том, что мне не понять, что такое родиться в семье подобной вашей...

– Разумеется, тебе этого не понять, – фыркнул Рокфильд-Ротшеллер. – Наши дети – это ведь не просто какая-то там «золотая молодёжь»! Каждый из них в отдельности значит для нас несоизмеримо больше, чем даже миллиард тебе подобных. И оттого тем более тяжко нам становится наблюдать, как некоторые из них, повзрослев, начинают безудержно отдаваться всяческим порокам, бездарно прожигая свою великолепную жизнь.

– Так, зачем же вам всё-таки понадобился я? – спросил Варлам.

Но Иеремия Пётр Четвёртый, по-видимому, огорчился и сделался более не расположенным к беседе. Он нетерпеливо махнул рукой и приказал своему учёному слуге:

– Сулейман, расскажи ему про вашу теорию.

Доктор Сулейман Бабай вновь привстал на своём месте и, учтиво поклонившись в знак благодарности за оказанную ему честь, заговорил приятным голосом с тем же лёгким, что и у его хозяина, иностранным акцентом.

– Как вам, должно быть, известно, Варлам, человек, по своей биологической сути – это обычное животное, млекопитающее. И каким бы интеллектуально развитым не являлся отдельно взятый индивид, он, тем не менее, всегда будет заложником своего звериного начала, а потому жизнедеятельность каждого из нас, в своей основе, неизменно обуславливается удовлетворением первоочередного инстинкта выживания, а вслед за ним второго и конечного животного инстинкта – размножения. Так, однако, обстоит только в физическом аспекте нашего бытия, помимо которого, как вы тоже, наверное, знаете, в человеческую сущность заложена и духовность.

Стремление людей приобретать в собственность всевозможные материальные блага, начиная с модной одежды и заканчивая личными самолётами, никогда не выходит за рамки физического аспекта и, в действительности, всегда продиктовано одними лишь животными инстинктами, ибо никаких других целей, кроме как досыта есть и регулярно спариваться, даже самое изыщное и дорогостоящее потребление, на самом деле, не преследует. Таким образом, мы полагаем, что описанная разновидность «человека разумного», в истинном смысле данного выражения, таковой не является, а всего-навсего, в силу общих возможностей, заложенных природой в его вид, при надлежащей дрессировке успешно научается говорить, считать, читать, писать... ну и так далее – как будто бы автоматически, неосознанно. Как если бы, к примеру, строение мозга и другие физиологические факторы, имеющиеся, по умолчанию, у homo erectus, нашлись бы в надлежащей форме, скажем, у крокодила. Тогда и крокодил смог бы научиться покупать дизайнерскую одежду, управлять дорогим автомобилем и привлекать молодых крокодилов размерами своего счёта в банке...

Данная категория, обозначим её, для удобства, «говорящие люди», является самой многочисленной. Точнее сказать, таковы практически все: по разным подсчётам от 95 до 99 процентов индивидуумов сегодняшней цивилизации. При этом, уровень финансового достатка в данной градации не имеет абсолютно никакого значения. Говорящими людьми могут быть как бродяги-алкоголики, добывающие пищу в помойке, так и олигархи.

Другая же категория нашего общего биологического вида, численность которой не превышает пяти процентов – это люди духовные, но не в религиозном смысле, а, так сказать, в общепhilософском. Это, в общем, увлечённые личности, действия которых направлены на созидание. Разными путями они находят для себя какое-то дело жизни и самозабвенно ему отдаются.

Профессия здесь не имеет никакого значения. Это может быть рабочий, художник, спортсмен, инженер, кто угодно, это совершенно не важно. Важно только то, с какими мыслями человек подходит к выполнению своей работы, ради чего он её делает и какой цели пытается достичь.

Принимая во внимание, что эти люди, как и говорящие, тоже обременены позывами своего физического тела, в первую очередь они также озадачены удовлетворением инстинкта выживания, ибо если живой организм регулярно не подпитывать, то он очень скоро истощится и перестанет функционировать, а значит и продолжать заниматься своей миссией, человек не сможет. Потому все они, в определённой степени, также заняты поиском доступа к материальным благам. Но в отличие от говорящих людей, лишь постольку, поскольку то необходимо для обеспечения себя силами работать ради осуществления своей духовной мечты...

– Простите, пожалуйста, – подал голос Варлам, – всё, что вы сейчас говорите, мне отлично известно. Нельзя ли перейти сразу к сути эксперимента, – сказав это, он посмотрел на Иеремию Петра Четвёртого, – тот развалился в кресле и, закрыв глаза, уже несколько минут мерно посапывал.

– Потерпите, Варлам, осталось совсем чуть-чуть. Я знаю, что вы человек умный и кроме этого, принадлежите к числу тех, о ком я только что сказал, собственно, поэтому-то вы здесь и оказались...

Может, всё это организовал Роберт? Он же звонил, перед тем как...

...что касается причин, по которым люди разделяются на «говорящих» и «творцов», то происходит всё предельно просто: все мы сами выбираем пути, на которых формируется наша сущность и потому, на первый взгляд кажется, что быть «говорящим», или «творцом» – это свободный выбор каждого, отдельно взятого, представителя homo erectus. На практике, однако, всё обстоит иначе, ибо все люди растут и формируются лишь в тех парадигмах, которые уготованы для них окружающей социальной системой, или, если угодно, их средой обитания. Это чрезвычайно трудно, заставить себя уйти с найденной тропинки и стать не таким как все. Это огромный психологический груз, неминуемое одиночество... ну, не мне вам рассказывать, Варлам, вы же ведь и сами находились до сего дня в такой ситуации.

Словом, здесь мы подходим к главным вопросам: почему одни спокойно следуют до конца жизни по проторенной дорожке и живут как все, а другие – нет? Почему эти другие вечно стараются что-то исправлять, изобретать, искать? Каким образом они на протяжении всей своей жизни сохраняют в себе игровой азарт и страсть к исследованиям? Почему не удовлетворяются алкогольным опьянением и другими простыми вещами? Почему, Варлам?

И чего, интересно, Роберт хотел всей этой постановкой добиться?

– Почему? Да не знаю я почему! Ради бога! Давайте закругляться скорее, мне уже, пардон, в туалет надо.

– Мы назвали это: компонент «Альфа-Д», – игнорируя реплику Варлама, сказал доктор Сулейман Бабай. – Это то, что сидит внутри таких как вы и мотивирует вас к активным действиям. Компонент «Альфа-Д» это как бы шило в известном месте, из-за которого вам вечно требуется что-то делать и переделывать. Из-за «Альфа-Д» таким как вы хочется лететь в космос, придумывать новые технологии, реформировать государство и общество, исследовать морские глубины, писать картины, сочинять музыку и так далее и тому подобное. Всё это хочется делать без всякой награды, не ради денег и статуса, не ради еды и секса. То, что вы делаете – это самоцель...

Доктор Сулейман Бабай вздохнул и закончил:

– Смысл нашего эксперимента, Варлам, заключается в том, чтобы научиться изымать компонент «Альфа-Д» из таких как вы и впоследствии пересаживать его тем, кому он нужнее.

– То есть, нашим детям, – сказал Иеремия Пётр Четвёртый.

Варлам удивлённо перевёл на него взгляд.

Ты же, вроде как, спал, скотина проклятая?

– Оборудование, что вы видите у меня на столе, улавливает электромагнитные импульсы, по которым мы устанавливаем наличие «Альфа-Д», а этот прибор, – доктор Сулейман Бабай показал нечто, напоминающее микрофон с зеркальцами, – поможет нам изловить компонент «Альфа-Д», когда тот выскочит из вашего тела. Затем я перемещу компонент в специальное хранилище, и на следующем этапе эксперимента мы будем пробовать пересаживать его кому-нибудь из говорящих людей. Вот, собственно, и всё.

– Ясно, – сказал Варлам, – и как же этот компонент «Альфа-Д» из меня выскочит?

– А очень просто. С помощью вот этого вот устройства – ответил вместо Сулеймана Рокфильд-Ротшеллер и, встав с кресла, подошёл к Варламу с пистолетом в руке.

Сколько, интересно, Роберт за всё это заплатил?.. Неужели и впрямь думал, что я могу повестись на подобную ахинею?.. Пистолет? Из магазина игрушек, или реквизит где-то намутили, у солидных актёров? Чем, интересно, он сейчас выстрелит? Конфетти, как из хлопушки? Флажок с надписью «розыгрыш»? Или просто струя воды?

Варлам с нетерпением ждал окончания комедии.

– Прощай, дружок, – сказал Рокфильд-Ротшеллер и, приставив к его голове пистолет, выстрелил свинцовой пулей.

Тот, кто назывался именем «Варлам» последние тридцать шесть лет, покинул это тело навсегда.

В троллейбусе было душно и неприятно пахло заскорузлым потом угрюмых пассажиров. Птицына ехала стоя, прислонившись спиной к поручню у окна, напротив места для инвалидов. Справа от неё находилось ограждение из стеклопластика, за которым на небольшом возвышении сидели две толстые женщины и, не умолкая ни на секунду, говорили обо всём на свете.

Стоя в своей угловой нише, Птицына держала обеими руками портфель с рабочими бумагами и старалась занимать как можно меньше пространства, чтобы протискивающиеся туда-сюда вонючие козлы и козлихи прикасались к ней как можно реже. Однако от запахов спрятаться было невозможно и, пытаясь время от времени не дышать, Птицына то и дело поворачивала лицо то вправо, то влево – в зависимости от того, с какой стороны в данный момент воняло менее сильно.

И как вообще можно ходить летом в одной рубашке неделю? Ведь достаточно только выйти в магазин, чтобы одежда стала насквозь мокрой от пота, и затем этот пот высыхает, а запах остаётся и, надев эту же вещь второй раз, человек добавляет к старому запаху ещё и новый. И это ещё я не знаю, с какой периодичностью они все тут принимают души, или хотя бы подмываются. И слава тебе господи, что не знаю!

Птицына повернулась и посмотрела в окно: нравственных страданий для неё оставалось ещё на четыре с половиной остановки.

Толстухи за перегородкой страстно возмущались деградацией современной молодёжи, яростно потряхивая зажатыми в руках смартфонами.

– Девке той не меньше двадцати трёх лет и она такое пишет, ты понимаешь, что это значит? – говорила первая толстуха. – Нет, ты, может, думаешь, я придумываю? Так я тебе сейчас покажу! Вот.

Уверенно манипулируя толстыми пальцами, толстуха что-то быстренько нашла в своём смартфоне и сунула экран под нос своей собеседнице, которая в это же время, в свою очередь, также успела проверить «нет ли для неё каких-нибудь новых уведомлений» в её собственном смартфоне.

– Вот-вот, читай. Просто верхнюю строчку прочитай под фотографией.

– «Первая книга, которую я прочитала от корки до корки...», – озвучила первые слова публикации вторая толстуха. – Какой кошмар! Какой позор!

– Вот-вот, я ж говорю! – воскликнула первая. – Не то что не стесняюсь, а даже с каким-то апломбом! «Я прочитала первую книгу!» В двадцать два года она это сделала! И ты погляди сколько восторгов под этим сообщением, сколько реакций! Боже мой! Боже мой!

А сама-то ты, когда в последний раз читывала книгу от корки до корки, меланхолично подумала Птицына. Небось времени на чтение совсем нет? С таким-то смартфоном громадным... да для книги даже физически в твоей сумке места не найдётся, эх, да что там говорить...

Птицына тоскливо опустила взгляд на свой портфель, в котором помимо судебных бумаг, лежал ещё и томик Курта Воннегута. И с каким же удовольствием она бы сейчас вышла на первой остановке и пошла пешком до ближайшего парка. По пути она бы по очереди вынимала из портфеля ходатайства, исковые заявления, решения судов, постановления и, разрывая всё это на мелкие клочки, выбрасывала бы в попадающиеся на пути урны. Последним штрихом, для полного счастья, она бы выбросила в мусорку своё адвокатское удостоверение и тогда, оставшись наедине с Куртом Воннегутом, просто уселась бы в парке на пустую скамейку в тени деревьев и читала бы до самого вечера...

А ведь так было не всегда.

Вначале она очень любила свою профессию и всей душой жаждала ею заниматься – стать такой же, как какой-нибудь адвокат из классических киносюжетов вроде «Убить Пересмешника», или «Свидетель обвинения». Но с течением времени реальность постепенно убила в ней все её наивные мечты юности и теперь она только и делала, что изо дня в день терпела происходящую на её глазах несправедливость, в которой сама она оказалась не в силах что-либо исправить.

Анастасия Филипповна Птицына помнила, как впервые столкнулась на практике с проявлением того, что все называют абстрактным словом «коррупция». И для этого ей даже не потребовалось увидеть, как происходит акт передачи взятки, или как получают «откаты», или «пилят» бюджет. Птицына всего только опосредованно поучаствовала в разговоре с одной бывалой дамой из местной администрации и, послушав, что та дама говорила, Анастасия по-настоящему осознала всю суть того, с чем ей придётся соприкасаться, работая по своей профессии.

В той памятной беседе речь шла об одном «народном избраннике», который выступил в местной Думе с инициативой сделать должность областного депутата бесплатной. То есть, он прямо заявил, что депутат, дескать, должен трудиться во благо своего Отечества безвозмездно и что денег ему за это платить не требуется, ибо у истинного «народного избранника» намерения всегда и всецело бескорыстные. Ну и далее, всё в таком роде, словом, обычная бредятина, которую все они несут в целях оправдания своего существования, когда необходимо заполнять какими-то «смыслами» рабочее время.

– Но как же это может быть?! – возмутилась тогда двадцатилетняя Настя Птицына, – как же это человек будет работать бесплатно? На что же ему есть, чем платить за жильё, кормить детей?

На ту её реплику опытная дама из администрации лишь саркастично усмехнулась и сказала, что Настя – наивная девочка и ещё совсем дитё, раз не понимает таких элементарных вещей. Что, мол, у депутатов без всяких официальных зарплат денег всегда куры не клюют, и что даже если бы им без какого-либо предупреждения перестали бы вдруг и вовсе платить, они бы, этого, скорее всего, даже не заметили.

– Но я имею в виду... – хотела тогда Настя пояснить свою точку зрения, но на неё лишь нетерпеливо махнули рукой, чтоб, мол, перестала вякать, когда «взрослые разговаривают».

А собиралась в тот момент юная Птицына возразить следующее.

Поразительно ведь во всей той истории не то, что депутаты могут запросто обходиться без зарплат, поскольку все они и без того денежные. Поразительным являлся тот факт, что об этом прямо и не таясь сказано во всеуслышание. Ведь по закону, люди, занимающие данные должности не имеют права заниматься никакой коммерческой деятельностью и совмещать свою государственную должность с какой-либо другой работой, за исключением творческой. А учитывая, что среди нынешних депутатов не было никаких известных художников, певцов и романистов, следовал один непреложный вывод, что в соответствии с законом все они могут получать средства на жизнь лишь в виде зарплаты за свою работу. И вот, этот инициатор заявляет на заседании, что данная зарплата им совершенно не нужна! Таким образом, он факти-

чески заявил, что все они там давно и основательно обеспечивают себя и свои семьи незаконным путём! И он сказал это на заседании Думы! Открыто, в присутствии прессы! Но всем на это наплевать! И никто из старших коллег «наивной девочки» Насти не придаёт этому факту никакого значения!

Таковым было первое столкновение Анастасии Филипповны Птицыной с истинными реалиями поприща, на которое она с воодушевлением ступала. Будущий адвокат Птицына, впрочем, тогда ещё надеялась, что со временем система может измениться, что благодаря её стараниям, вкупе с другими честными юристами, чаша весов нынешней гниды-фемиды может когда-нибудь склониться в сторону оздоровления и Правды, что всё ещё можно исправить!

Но, увы. Проходили годы, а разочарование Птицыной в людях и в жизни только усиливалось, а её профессиональная деятельность с каждым днём казалась ей всё более пустой и бессмысленной.

Троллейбус сделал предпоследнюю перед нужной Птицыной, остановку и приближался к месту, где ей надо было выходить. Аккуратно протискиваясь к выходу, Анастасия Филипповна осторожно дотрагивалась до стоящих перед ней пассажиров и вежливо спрашивала, не выходят ли они на следующей. Оказавшись постепенно, таким образом, у дверей в аккурат к моменту достижения троллейбусом её остановки, Птицына с облегчением вышла на не вполне свежий, но всё же открытый воздух.

Перейдя проезжую часть на противоположную сторону, Анастасия Филипповна поднесла левую руку к лицу и посмотрела время на наручных часах: до начала судебного заседания оставалось ещё полчаса.

Птицына привыкла всегда добираться до мест назначения с небольшим временным запасом – она никогда и никуда не опаздывала. Спокойным шагом Анастасия Филипповна пересекла небольшой сквер, прошла несколько жилых домов через дворы и приблизилась к невзрачному трёхэтажному зданию, некоторые окна которого были закрыты решётками.

Войдя в суд, Птицына показала сидящему у входа судебному приставу адвокатское удостоверение, миновала узкий коридор и, поднявшись по лестнице на второй этаж, проследовала мимо ряда закрытых дверей и остановилась у кабинета с табличкой «Судья Индиферян П.Х.»

Глянув на часы, адвокат Птицына отметила, что до начала судебного заседания остаётся ещё десять минут, но поскольку Павел Харитонович Индиферян, в отличие от Анастасии Филипповны Птицыной пунктуальностью не отличался, судебные заседания под его председательством почти всегда начинались с не менее чем двадцатиминутным опозданием.

Анастасия присела на стоящую напротив кабинета судьи скамейку, достала из портфеля книгу в мягкой обложке и углубилась в чтение.

Некоторое время спустя к кабинету подошли другие участники процесса. Оторвавшись на мгновение от чтения, Птицына приветственно им кивнула и невозмутимо продолжила своё спокойное занятие, давая тем самым понять, что никаких разговоров с оппонентами во вне кабинета судьи она вести не намерена.

Другими участниками процесса были представитель ответчика и прокурор, а Птицына была представителем истца. От лица своего доверителя она подала иск о признании незаконным увольнения с работы.

Прокурор и представитель ответчика, никого не стесняясь, в полный голос обсуждали детали предстоящего судебного процесса и даже не пытались скрывать, что исход дела им давно известен. Анастасия Филипповна, однако, никак на это не реагировала и, полностью отгородившись от внешних шумов, с удовольствием читала роман «Галапагосы», в котором великолепный Курт Воннегут рассказывал о том, как люди, ловко приспособившись к изменениям среды обитания, эволюционировали в земноводных пресмыкающихся.

Вскоре дверь кабинета судьи наконец открылась и, вынырнувшая из неё, секретарша пригласила участников заседания зайти внутрь. Птицына убрала книгу в портфель и, войдя в кабинет после прокурора и представителя ответчика, тихо прикрыла за собою дверь.

Рабочий кабинет судьи Индиферяна, зачастую используемый также и в качестве «зала судебных заседаний», являл собой типичный образец среднестатистической обители бюрократа. В глубине невзрачного помещения, у окна стоял внушительного вида большущий стол, к которому торцом примыкал ещё один, маленький. Оба стола были завалены штабелями прошитых и пронумерованных «дел», которые не уместились в стоящем справа шкафу. По бокам у стен, в ряд стояли стулья, на которые тут же расселись все участники судебного заседания.

За внушительным столом у окна, в кожаном кресле сидел хозяин кабинета - Павел Харитонович Индиферян, федеральный судья суда общей юрисдикции Российской Федерации. Федеральный судья суда общей юрисдикции Российской Федерации Павел Харитонович Индиферян был тучным и хмурым мужчиной лет пятидесяти, лицо его было красным и суровым, а голова болела после вчерашней выпивки.

– Итак, – тихим голосом произнёс Павел Харитонович, когда все расселись, – поскольку все мы здесь являемся опытными юристами, предлагаю опустить лишние формальности и перейти сразу к делу. В прошлый раз истец заявил ходатайство о затребовании у ответчика штатного расписания. Принесли? – обратился судья к представителю ответчика.

– Да, уважаемый суд, – сказал представитель ответчика, вставая, и, тут же вручив каждому из присутствующих копию документа, передал его и судье.

Судья бегло пробежал глазами по бумажке и, пролистав лежавшее перед ним на столе «дело», «приобщи́л» её к остальным материалам.

– Итак, – снова сказал он. – Теперь, если нет возражений, мы можем перейти к рассмотрению дела по существу...

– Простите, уважаемый суд, – подала голос Птицына, внимательно изучив полученную ею копию, – к сожалению, возражение есть.

Судья Индиферян недовольно поморщился:

– Ну что вам опять не нравится, адвокат Птицына?

Птицына начала было вставать, но судья нетерпеливо замахал руками, мол, «говорите с места», и тогда она заговорила сидя:

– Нам не нравится, уважаемый суд, что мы запрашивали штатное расписание всей организации ООО «Парле Франсе», а получили вместо этого одну лишь выжимку из запрашиваемого документа, которая касается одной единственной торговой точки в числе многих, имеющих у «Парле Франсе».

– А разве истец работала не в этой торговой точке? – заявил, нагло ухмыляющийся, представитель ответчика.

– Разумеется, нет, – невозмутимо ответила Птицына, перебирая папку со своими копиями материалов дела. – Минуту, сейчас я вам прочитаю, где она работала, так... ага, вот, читаю: трудовой договор номер такой-то от... вот, поглядите сами: стороной в договоре является ООО «Парле Франсе», без каких-либо указаний на отдельный филиал в виде магазина по конкретному адресу. Словом, согласно трудовому законодательству, сокращая мою доверительницу с должности продавца, работодатель был обязан предложить ей на выбор любые другие, имеющиеся в наличии, должности, а со слов ответчика никаких других должностей у работодателя не нашлось. Но это пока только со слов, потому что вот эта бумага, – Птицына показала полученную копию, – не является доказательством того, что у «Парле Франсе» во всех его многочисленных торговых точках, а также в складских и производственных помещениях, не было, на момент сокращения истца, ни одной свободной вакансии. В связи с этим, мы повторно просим суд запросить копию штатного расписания ответчика, но на этот раз в полной его редакции. Вот наше ходатайство.

– Ну, это мы ещё подумаем, удовлетворять ли это ваше ходатайство, или нет, – рассеянно пробурчал судья.

– То есть, как? – возмутилась Птицына. – В таком случае, если уважаемый суд решит ходатайство не удовлетворять, мы просим оформить этот отказ надлежащим порядком в виде письменного определения.

Приняв царственный вид, Индиферян выпрямился в своём кресле и, с нескрываемой неприязнью посмотрев на Птицыну, проговорил сквозь зубы:

– Мнения участников процесса?

– Возражаем, – тут же откликнулся представитель ответчика.

– Возражаю, – повторила за ним прокурор.

Птицына презрительно фыркнула и, не удержавшись, заметила:

– А я-то думала, представителя прокуратуры в трудовых спорах привлекают для того, чтобы он следил за соблюдением прав работников.

Прокурор, вернее сказать, прокурорша – сильно накрашенная женщина с накаченными силиконом губами, язвительно оскалилась:

– Вы ошибаетесь, прокурор привлекается для участия в деле, чтобы следить за соблюдением законности.

– Правда? И что же прокурор под данным понятием подразумевает?

– Адвокат Птицына! – рявкнул судья. – Вы заявили ходатайство, суд на месте определил: в удовлетворении ходатайства отказать. Другие заявления у сторон будут? – он оглядел присутствующих свирепым взглядом.

Других заявлений не было.

– Значит, откладываемся до рассмотрения жалобы истца в вышестоящей инстанции. О дате следующего заседания стороны будут извещены дополнительно. Текст определения можете получить завтра утром, – добавил Индиферян, обращаясь, в заключение, к одной Птицыной.

Глаза судьи налились кровью и, казалось, вопрошали: «что ж ты тут нам устраиваешь?! Как будто не знаешь, в чём на самом деле проблема!»

А проблема заключалась в том, что в данном деле не играл никакой роли ни закон, ни прокурор, ни судья, а важным являлось лишь то, что ООО «Парле Франсе» принадлежало семье депутата областной думы Геннадия Приватизарина.

«Семья депутата Приватизарина» – это был такой надзаконный орган внесударственного всевластия местного значения, и воздействовать на сей орган могли только более внушительные органы подобного же свойства.

Сеть магазинов модной одежды из Европы «Парле Франсе» использовалась, в первую очередь, для отмывания, присвоенных Геннадием Приватизариным и его подельниками бюджетных денег, которые государство каждый год выделяло области на ремонт дорог, строительство зданий и прочее развитие. Всё это «развитие» всегда организовывалось местной властью так, чтобы его повторение непременно потребовалось бы через год, дабы поток денег из «федерального центра» продолжал поступать бесперебойно. Для этого, через третьих лиц использовались никуда не годные стройматериалы, нанимались некомпетентные рабочие и т.д.

Так, получив, к примеру, миллиард рублей, на официальную цель можно было истратить, скажем, миллионов двести, а оставшиеся восемьсот распределить в соответствии с истинными «обычаями делового оборота».

Согласно названным «обычаям», из тех сэкономленных восьмисот миллионов, двести необходимо было вернуть непосредственному отправителю в «федеральный центр», так как именно от этого отправителя зависела следующая ежегодная поставка денег. После этого, оставшиеся шестьсот миллионов распределялись в надлежащих долях между местными действующими лицами, одним из коих являлся депутат Геннадий Приватизарин, у которого было

три сына, две дочери, жена, тёща, тесть, брат, сестра, восемь племянников и т.д. Все они хотели «жить красиво», путешествовать за границей, покупать себе там «дачи» и пр. Однако прежде чем тратить, откаты нужно было легализовать, – для этого существовали такие фирмы как «Парле Франсе», в которых продавались разнообразные предметы одежды, или интерьера по несусветным ценам.

Скажем, обеденный стол из мрамора за миллион рублей. Этот стол мог стоять в магазине десятилетиями и так никогда и не дожидаться своего покупателя, однако по документам его можно было продавать хоть по четыре раза на дню, а полученные от «продажи» деньги «законным» образом декларировать в налоговую службу.

Словом, всё просто и очевидно, и кажется, что правоохранители могли бы брать таких как Приватизарин с поличным хоть каждый день, возбуждать дела, сажать в тюрьмы и так далее. Но нюанс состоял в том, что в механизме этом принимали участие абсолютно все. И потому, чтобы бороться с коррупцией, оборотням в генеральских погонах пришлось бы начинать с самих себя. Ну а первым шагом в подобном начинании им следовало хотя бы прекратить получать взятки самим, чего, разумеется, никто из них делать не планировал, так как их собственная жизнь их вполне устраивала, а на первом месте всегда была лояльность начальнику и благополучие собственной семьи.

И если на секунду предположить, что в деле о незаконном сокращении с работы в «Парле Франсе» судья и прокурор встали бы на сторону закона и справедливости – они бы очень скоро попросту лишились своих должностей, а на их места усадили бы тех, кто будет готов работать «по правилам».

Птицына, разумеется, всё это знала и, подавая иск от имени своей доверительницы, никаких иллюзий об итогах дела не питала. Более того, она честно предупредила обо всём и свою клиентку, так что та, оплачивая услуги адвоката, уже знала, что шансов на победу практически нет, однако то ли она не верила Птицыной до конца, то ли рассчитывала на какое-то чудо.

– Как же, – говорила на консультации незаконно уволенная, – мы ведь можем потом жалобу подать? Если всё незаконно, то выше где-нибудь же должен найтись честный человек, который это увидит и отменит решение!

Да-да, конечно, выше обязательно, может быть. Где-нибудь, кто-нибудь. Всё возможно. Теоретически. Впрочем, отговаривать потенциальных клиентов от борьбы Птицына не собиралась – как-никак, этим делом она зарабатывала себе на жизнь. И если человек, услышав всю правду до конца, принимал осознанное решение бороться с несправедливостью – Анастасия Филипповна бралась за дело добросовестно и всегда доводила его до конца.

Проглотив очередную дозу разочарования в людях, Птицына вышла из здания суда и, взглянув на часы, решила зайти пообедать в расположенную неподалёку столовую. До нормированного времени обеда оставалось ещё сорок минут, а значит народу в столовой пока ещё будет немного. Этим нужно было воспользоваться, поскольку Птицына терпеть не могла очереди и других бессмысленных столпотворений.

Столовая находилась на первом этаже жилого дома, метрах в пятистах от здания суда. Преодолевая это небольшое расстояние, Анастасия Филипповна ощутила странное чувство, ей показалось вдруг, что за ней кто-то идёт. Открыв дверь в столовую, Птицына слегка обернулась и мельком осмотрела пространство позади себя. Да нет, вроде бы никого.

Я слишком много нервничаю из-за всей этой мерзости, а оно ведь того совершенно не стоит.

Войдя в столовую, Анастасия Филипповна вдохнула аппетитные запахи и поняла, что ужасно проголодалась. Поставив портфель на стул у свободного стола, она вынула из него кошелёк и направилась к покупательской стойке, где пока ещё никого не было. Взяв поднос, она медленно прошла вдоль вереницы кастрюль и сковородок, бегло осмотрела богатый ассортимент всевозможных кушаний и заказала свекольный салат, чашку куриного бульона и тарелку

плова. Задержав взгляд на лотке с пирожными, она решила, что поест что-нибудь сладкое попозже, в офисе и, поставив поднос со своим скромным обедом перед кассой, стала дожидаться, когда продавщица всё посчитает.

Слава богу, тут они ничего не навязывают, а то зайдёшь куда-нибудь иной раз и сама не рада: «возьмите ещё булочку вкусенькую, пирожочки свеженькие. Соуса добавить? Сливки? Маслица? У нас сегодня проходит специальная акция! Только для вас! Покупайте! Покупайте! Покупайте!»

– Сто двадцать четыре, шестьдесят, – сказала кассирша.

Птицына расплатилась и, положив кошелек на край подноса, медленно, чтоб не расплескать бульон, отнесла обед к своему столу. Поставив поднос, она убрала кошелек в портфель и вернулась к раздаточной стойке, рядом с которой было установлено несколько умывальных раковин.

Тщательно вымыв руки с мылом, Анастасия Филипповна взяла с раздаточной стойки чистую вилку и, вернувшись к столу, уселась и не спеша приступила к еде.

Сначала она выпила полчашки бульона, затем поочерёдно окуная вилку то в одну, то в другую тарелку потихоньку расправилась с пловом и свекольным салатом. В завершение трапезы, Птицына допила остатки бульона, отнесла поднос с грязной посудой на положенное место и вернулась за стол, чтоб перед уходом посмотреть в карманное зеркальце и проверить чистоту лица.

Удостоверившись, что на лице нет никаких следов еды, Птицына убрала зеркальце обратно в портфель и уже собралась уходить, когда к столу по диагонали галантно приблизился какой-то странный тип и учтиво произнёс:

– Добрый день, Анастасия Филипповна.

– Добрый, – слегка удивлённо ответила Анастасия Филипповна, внимательно оглядывая незнакомца. Это был мужчина среднего возраста, интеллигентного вида и полностью лысый. В чертах его лица, да и во всём внешнем облике просматривалось нечто экзотично-восточное.

Пожалуй, он мог оказаться арабом, или турком, а может и пакистанцем, или индусом. Или даже индонезийцем, малазийцем... Маори?..

Таджиком? Узбеком? Киргизом?..

Татаро-монголом?!..

– Вы позволите мне ненадолго присесть? – вежливо поинтересовался загадочно-восточный лысый мужчина.

– Да я вообще-то уже ухожу, – растерянно пробормотала Анастасия Филипповна. – Простите, а мы разве знакомы?

– О, нет, не знакомы, – быстро усевшись на место по диагонали от Птицыной, заговорил мужчина, – вернее, вы меня не знаете, Анастасия Филипповна, но я вас – очень хорошо.

– Не понимаю, – насторожилась Птицына. – Кто вы?

– О, я буду предельно краток, уважаемая Анастасия Филипповна. Я, видите ли, представляю интерес одного международного промышленника. Он владеет крупнейшей транснациональной корпорацией, а я там, в некотором смысле, начальник отдела кадров. И вот иногда, когда дело касается особенно ценных для нас специалистов, занимаюсь подбором сотрудников лично и, так сказать, в полевых условиях.

Восточный мужчина заискивающе хохотнул и выжидающе умолк.

Птицына растерянно пожала плечами:

– Но я не ищу работу, не знаю, кто вам мог...

– О, нет, – тут же ласково перебил её лысый, – никто, Анастасия Филипповна, никто нам не советовал и не рекомендовал. Мы ищем таких как вы по собственной инициативе, используя только лишь нам одним доступные средства. И, разумеется, нам известно, что вы занимаетесь адвокатской практикой и в настоящее время не ищете какого-либо другого места. Мы

уже довольно давно наблюдаем за вашей деятельностью, опрашивали многих ваших клиентов, коллег. Собирали как отрицательные, так и положительные отзывы, словом, проанализировали вашу кандидатуру досконально и всесторонне. И уверяю вас, вы именно тот юрист, который нам требуется. Вы честная, принципиальная, вы – человек слова...

– Простите, мне трудно воспринимать такой внезапный поток информации, – Птицына вдруг неосознанно чего-то очень сильно испугалась. – Я вас в первый раз вижу, всё это очень странно, и вообще... посреди рабочего дня. В общем, мне необходимо срочно возвращаться в офис. Извините.

Она торопливо встала. Незнакомец встал вместе с ней.

– О, это вы меня извините, Анастасия Филипповна. Это я виноват! С моей стороны было бестактно и довольно глупо, так сказать... Вы только возьмите, пожалуйста, мою визитку, – пролепетал он, протягивая ей карточку, – и если у вас появится свободная минутка, обдумайте наше предложение...

Птицына машинально взяла визитную карточку, не глядя, бросила в боковой кармашек портфеля и поспешила к выходу из столовой.

– Наш генеральный директор ближайшее время будет находиться в вашем городе! Если вы решитесь, я с радостью организую вам личную встречу! – громко проговорил ей вслед «начальник отдела кадров».

Оказавшись на улице, Анастасия Филипповна моментально успокоилась и теперь даже не смогла бы толком вспомнить те ощущения, которые лишь мгновение назад побудили её «спастись бегством», не говоря уже о причинах, которые эти странные ощущения могли вызвать.

Что это я, в самом деле, как дуручка какая-то? Человек подошёл открыто, с честным изложением своих целей, а я тут вообразила невесть что, испугалась! Убежала! А что, собственно, я вообразила-то? Какая глупость! Позорище! Надо бы, наверно, вернуться, извиниться... да нет, ещё глупее всё будет, лучше оставить как есть... в конце концов... первый и последний раз... в общем... а чёрт с ним!

Птицына скорым шагом шла к троллейбусной остановке, но заметив неподалёку торговый павильон, внезапно почувствовала, что в горле у неё невыносимо пересохло – её прямо-таки мучила сильнейшая жажда.

«Дайте мне пить!» вспомнилась ей фраза из какой-то книжки и, войдя в магазин, она чуть было не сказала эту фразу продавщице.

– Бутылку воды без газа, будьте добры. Да, пол-литра, только не из холодильника, пожалуйста.

Расплатившись, Птицына вышла на улицу и, свинтив крышку с пластиковой бутылки, жадно выпила чуть не две трети. Можно было, конечно, допить тут же и до конца, чтобы выбросить бутылку, но Птицына почти всегда использовала эти бутылки по два-три раза, наполняя их после опустошения фильтрованной водой, поэтому сейчас она открыла портфель и, плотно завинтив крышку обратно, аккуратно пристроила бутылку рядом с книжкой.

Подходя к троллейбусной остановке, Анастасия Филипповна проводила взглядом проезжавший мимо автобус и, нечаянно вдохнув пары выхлопного газа, внезапно ощутила подступившую к горлу тошноту.

Ну уж нет, тогда я, пожалуй, прогуляюсь пару остановок пешком.

Несмотря на то, что в троллейбусе её не укачивало, сейчас ей всё же захотелось немного «проветриться», так как тошнотворный запах автобуса активизировал в подсознании крайне неприятные нейро-ассоциативные связи, которые ещё более усугубились, когда она обратила внимание на количество стоящих на остановке людей.

Набьются сейчас в троллейбус, как шпротины в консервах и будут миазмы свои источать во все стороны! Грязные, вонючие, потные скоты! А потом ещё какой-нибудь идиотский

скандал на пустом месте, а ты стой и слушай! И нюхай! Консервированное мясо. Тушёнка в троллейбусе. Протухшая. Токсин ботулизма. Фу!

С такими мыслями Птицына поняла, что уже вовсе не хочет садиться в троллейбус ни через пару остановок, ни через десяток. В общем, до офиса её было не так уж близко – километра три с половиной, не меньше. Но для Анастасии Филипповны пройти такое расстояние пешком было одним удовольствием. Главное успеть к первой назначенной встрече с клиентами, а так, почему бы и не прогуляться? Птицына взглянула на наручные часы, отметила, что времени у неё ещё достаточно и, немного ускорив шаг, решительно зашагала вперёд.

Всё, сегодня большие никаких токсинов ботулизма, на хрен всю эту протухшую тушёнку! Интересно, а Геннадий Приватизарин ездил хоть раз в жизни на троллейбусе? Так, чтоб настоящему, в час пик, с пробками и хотя бы остановок восемь? Конечно, нет. Или, разве что, в детстве? Когда ещё был добрым и честным советским мальчиком. А он таким вообще был? Может ли милое человеческое дитя видоизмениться со временем в мерзкое, крокодилообразное чудовище с куском жира вместо сердца и зубастой пастью вместо мозга? Жадное, прожорливое чудовище. Крокодил с комплекцией бегемота. Крокодилобегемот. А снаружи – человеческая кожа и рожка. Слово маскировочный костюм.

Птицына шагала вдоль автострады, время от времени останавливаясь на светофорах и поглядывая на часы. Всё же было что-то неловкое в подобных прогулках в течение рабочего дня – как будто бы где-то на бессознательном уровне попискивало иррациональное чувство вины. Мол, все работают, а ты тут вроде как гуляешь, и уже кажется, что вот-вот раздастся телефонный звонок от «начальника», и грозный голос «на том конце провода» требовательно спросит: «ты где?» – и вот ты уже ёрзаешь, изворачиваешься и оправдываешься за совершенное тобою «преступление», дабы строгий «начальник», не приведи господь, не осерчал бы слишком сильно и не отправил тебя на волю, с которой ты и представить себе не можешь, что будешь делать. Ибо, по сущности своей, ты – обычный раб и больше всего на свете боишься, что уже никто не станет говорить тебе: что делать, куда идти, как поступать и что для тебя правильно, а что нет. Больше всего на свете ты боишься сделаться свободным и оказаться в ситуации, где всё, что касается лично тебя, определяется исключительно твоей собственной волей и твоим выбором. И даже сам факт признания такого положения вещей для тебя невообразимо труден и почти что невозможен. И потому, если кто-нибудь осмелится сформулировать это твоё непонятное чувство подобным образом – ты тут же примешься всё яростно отрицать, приводить какие-то «свои» аргументы и с пеной у рта доказывать (прежде всего – самому себе), что всё это бред и не имеет никакого отношения к действительности!

Такое иррациональное чувство вины сидит во всех нас наподобие компьютерной программы, установленной некими невидимыми социальными процессами словно бы самопроизвольно и когда-то в далёком прошлом, где-то там, в самом начале нашего жизненного пути. И даже если вы умудрились сформироваться как сильная и независимая личность, это, засевшее где-то в глубинах вашей психики, чувство всё равно будет временами подавать свой свербящий голосок, напоминая вам, что как бы вы ни стремились вырваться из оков прогнившей системы, вы всё равно были и остаётесь её неотъемлемой частью...

От быстрой ходьбы Птицыной снова захотелось пить и, остановившись в тени громадного тополя, она достала из портфеля бутылку с остатками воды, допила всё до конца и убрала, теперь уже, пустую бутылку обратно. Мимоходом снова глянув на часы, Анастасия Филипповна продолжила путь, невольно отметив, что начинает уставать, хотя не прошла ещё и километра.

Что ж, видимо, сегодня и впрямь не время для прогулки, рассеянно подумала она и словно бы в подтверждение этой её мысли, из-за поворота медленно вырулил абсолютно пустой (вероятно, из ДЕПО) троллейбус и, проехав вперёд метров пятьдесят, остановился и открыл двери.

Перехватив поудобнее портфель, Птицына, более не раздумывая, лёгкой трусцой добежала до остановки и вошла в пустой салон.

Оплатив проезд, Анастасия Филипповна уселась на одно из пустующих мест на теневой стороне и, откинувшись на спинку мягкого сиденья, глубоко вздохнула. *Всё-таки не зря я прошла немного пешком, зато теперь доеду с комфортом!*

Троллейбус двигался медленно, попеременно застревая в пробках и притормаживая на светофорах. С каждой новой остановкой салон постепенно наполнялся дурно пахнущей «тушёнкой» и мысли о ходячих «токсинах ботулизма» вновь начали портить Птицыной настроение.

Благо, ехать осталось всего ничего, и уж во всяком случае никто теперь не сможет об меня обтереться. Не успеют уже набиться в достаточном объёме. Грязнули. Вонючки. Шпротины. Говядины.

Приближаясь к остановке Птицыной, троллейбус проезжал мимо длинного живописного оврага, который был сплошь заповеден дикой растительностью: деревьями, травой, кустарником, посреди которых, в самой глубине этого оврага протекал едва заметный ручеек, разрастающийся где-то вдали в небольшую, но довольно бурную речушку.

Птицына помнила этот овраг с самого детства, ибо когда-то это место считалось крайне опасным из-за «всяких бомжей, алкашей и наркоманов, которые там вечно шляются», и поэтому, – чрезвычайно привлекательным для местной детворы. Спуститься в этот овраг считалось среди детей, своего рода, делом чести, уникальной возможностью прикоснуться к таинствам «взрослой жизни», окунуться в мир познаний и понимания сути вещей, ибо нигде, как в этом самом овраге всегда находилось обилие пустых бутылок, жестяных банок, окурков, шприцов и даже использованных презервативов.

По мере взросления, однако, интерес к оврагу у большинства подростков медленно угасал, так как искомые ими «таинства взрослой жизни» становились доступными без каких-либо дополнительных сложностей. И только редкие исключения, одним из коих явилась Анастасия Филипповна, продолжали романтизировать этот овраг и далее, хотя и ассоциируя его теперь уже с другими мечтами и проектами.

Птицына, в частности, любила иногда представлять, как этот овраг будет преобразован в красивый парк-заповедник с аккуратными дорожками и заселён некоторыми безопасными видами животных. От проезжей части данный парк должно будет закрыть трёхметровым барьером из стеклопластика, дабы оградить его от попадания дорожной пыли и выхлопных газов, а на саму территорию вывести удобные пешеходные спуски с пандусами, чтобы посещать это место могли бы все без исключений. Затем, поскольку проезжая часть пересекала овраг по искусственной насыпи, которая его как бы разделяла, необходимо будет прорыть под этой насыпью пешеходный тоннель, и тогда можно обустроить таким же манером и другую половину оврага, по ту сторону дороги...

Таковы были мечты Анастасии Филипповны Птицыной, но не таковыми они были у тех, кто имел реальные силы и средства для претворения такого рода проектов в жизнь. Стремления тех людей всегда обуславливались размерами потенциальной материальной прибыли, кою они могли бы извлекать лично для себя, в свою непосредственную собственность, дабы умножать благосостояние «своей семьи и детей».

Они с удовольствием высадили бы деревца, вырыли прудик и запустили туда уток, когда бы тот прудик находился в пределах их частных владений, где-нибудь в загородном доме на огороженной высоким забором территории, под круглосуточной личной охраной. С ещё большим удовольствием, они бы попросту собрали чемоданы и уехали в какие-нибудь «цивилизованные страны», где бы их уже ждала уютная вилла с прислугой и большущая яхта.

Парк-заповедник же, построенный в целях украшения города не для себя и своей семьи, а ради людей вообще – не являлся проектом, приносящим финансовую прибыль. Скорее, напротив: с точки зрения собственника то были одни сплошные убытки и пустая трата денег.

Другое дело, естественно, когда такой проект организовало бы государство, и для него бы специально выделили из бюджета пару дополнительных миллиардов. Эх! Тогда бы кое-кто здесь разгулялся по полной программе!

Когда-то, в краткий исторический период где-то в середине нашего советского прошлого, подобного сорта людей презрительно именовали капиталистами, а их жизненные установки считались постыдными и неприемлемыми, потому что собственный достаток и личное обогащение не могли являться первичными по отношению к благосостоянию общественному. И если ты хотел жить хорошо и красиво, то ты должен был работать над тем, чтобы хорошо и красиво жили все вокруг, сберегая, при этом, какие-то личные средства для себя, лишь после того, когда возможности для такого же сбережения были организованы тобою и для остальных.

Это, однако, вовсе не значило, что ты должен был страдать наравне с какими-нибудь оболтусами, которые ничего не делают, а лишь пропивают свои получки и строчат друг на друга доносы. В истинном смысле, равенство для всех было лишь в возможностях, а не итоговых результатах. И если ты жил трезво и честно, а твой сосед пьянствовал и лгал, то годы спустя вас никто бы не стал между собою уравнивать, ибо твоё преуспеяние и его деградация явились бы исключительно результатами использования вами обоими одинаковых возможностей по-разному.

С течением времени, однако, данные истины были сознательно опошлены и полностью переиначены всеми теми, кому хотелось использовать, незаслуженно полученную ими, власть ради процветания самих себя и своих семейств. Создавались мифы о всеобщей бедности и советском убожестве, сказания о тотальном попрании прав человека и полном отсутствии свободы выбора. И надо заметить, что мифы эти и сказания успешно находили своё подтверждение в разные периоды позднего, тогда уже, фальшиво-советского государства, когда лицемерные лгуны из верхних эшелонов власти, сделавшись капиталистами самолично, продолжали, тем не менее, использовать идеи социальной справедливости в качестве ширмы для одурачивания населения.

И именно эта их ложь и послужила, в итоге, тем главным фундаментом, на котором выстраивался весь каркас слепой ненависти к нашему советскому прошлому. Пропаганда же понадобилась позднее, когда меркантильная идеология жадности и эгоцентризма, именуемая по-научному «капитализм», уже и так расплозлась по всему социуму наподобие болезни, а деление на «моё» и «не моё» сделалось естественным для подавляющего большинства людей.

И вот поэтому-то делать из загаженного мерзким мусором живописного оврага парк-заповедник в городе Анастасии Филипповны Птицыной никто из местных капиталистов не планировал. Вместо этого, чуть не на самом склоне этого оврага они построили два двадцатипятиэтажных дома, квартиры в которых капиталисты быстро и выгодно распродали, что вряд ли бы у них вышло, коли бы они построили не здесь, а на многокилометровых пустующих территориях соседнего района и не два двадцатипятиэтажных, а десять четырёхэтажных...

Двери троллейбуса открылись, и Птицына вышла на улицу.

Её адвокатский кабинет располагался в небольшом офисном здании, завершавшем собой вереницу жилых домов, в квартире одного из которых она проживала. Стоит сказать, что с офисом ей крупно повезло не только в связи с его близким расположением к дому, а ещё и потому, что собственник здания предложил ей пользоваться помещением бесплатно в обмен на оказание ему кое-какой юридической помощи. И поскольку помощь эта в основном ограничивалась стандартными процедурами взыскания долгов с других арендаторов, Птицыну такое соглашение вполне устраивало.

Анастасия Филипповна вошла в здание, поднялась по лестнице на третий этаж и, достав из портфеля ключи, открыла дверь с вывеской «Адвокат».

Её офис был довольно небольшим – всего семь, или восемь квадратных метров, но Птицына работала здесь одна, и ей этой площади было достаточно. Поставив портфель боком к столу, она закрыла дверь офиса на ключ, сняла мокрую от пота сорочку, вынула из стоящего тут же шкафчика чистую и надела, а грязную аккуратно сложила и убрала в пакет.

Анастасия Филипповна терпеть не могла запаха застоявшегося пота и никогда не позволяла такому запаху укорениться на собственной одежде, поэтому летом её автоматическая стиральная машинка заполнялась «грязными» вещами и включалась для работы не реже одного раза в неделю.

Посмотревшись в зеркало, Птицына отперла дверь и, достав из портфеля пустую бутылку, вышла в холл, где у них был оборудован специальный краник с подачей фильтрованной воды. Наполнив бутылку, Анастасия Филипповна утолила жажду, заглянула в расположенный рядом туалет, вымыла руки и вернулась в кабинет.

На сегодня у неё были назначены две консультации и, посмотрев на часы, Птицына отметила, что первые клиенты должны прийти через полчаса.

Дабы не терять времени даром, Анастасия Филипповна включила компьютер и быстро напечатала текст частной жалобы на определение сегодняшнего судебного заседания, которое, как сказал судья, будет готово для получения завтра. Говоря по правде, само это определение ей для составления жалобы было вовсе и не нужно, поскольку никакого законного обоснования своему незаконному отказу в сегодняшнем ходатайстве судейские бюрократы там не напишут и написать не могут, ибо таковое обоснование в действующем законодательстве отсутствовало в принципе.

Единственной истинной служебной задачей судьи Индиферяна П.Х., так же как и подавляющего большинства его коллег, было удовлетворение ожиданий своего непосредственного начальника, который в данном конкретном случае ожидал вынесения лишь такого судебного решения, которое бы никоим образом не затрагивало интересов «семьи депутата Приватизарина».

Посему, никаких обоснований в обжалуемом определении помимо универсальной, ничего не значащей словесной формулировки «доводы заявителя не нашли подтверждения в судебном заседании», Птицыной в её жалобе опровергать не приходилось.

Подобного рода документы Анастасия Филипповна составляла регулярно и потому, в данный момент, воспользовавшись прошлыми образцами, она полностью закончила подготовку жалобы в течение пятнадцати минут. После этого, рабочих дел на сегодня у неё уже никаких не оставалось, и оставшееся время в ожидании новых клиентов Птицына провела, читая книгу.

Первые прибыли на консультацию с десятиминутным опозданием, отметила мимоходом адвокат, покосившись на часы, когда в дверь постучали.

– Да-да, входите, пожалуйста! – громко пригласила клиентов Птицына.

Дверь робко приоткрылась, и в кабинет застенчиво вошла пожилая пара.

– Здравствуйте, присаживайтесь, пожалуйста.

После учтивых приветствий, супруги принялись излагать свою проблему, попеременно перебивая друг друга и сбиваясь из-за эмоционального накала, которому они сами себя подвергли, готовясь к этой консультации. Судя по всему, раньше этим людям никогда не приходилось судиться в принципе и уж тем более начинать судилище по собственной инициативе, а потому всё предстоящее вызывало в них естественный психологический дискомфорт и инстинктивное отвращение.

Были это «обманутые дольщики», на кровные сбережения коих теневые поделщики таких как «народный избранник» Приватизарин, ездили со своими любовницами и любовни-

ками отдыхать на заграничные курорты. Средства на будущие квартиры были собраны, а дом, в котором эта квартира должна была появиться, не построен, и вот теперь люди хотят знать, возможно ли вообще им что-либо в данной ситуации поделать.

– Когда по договору должна была завершиться стройка?

– Год назад, даже чуть больше.

– А сейчас строительство ведётся?

– Нет, кран только, для вида, время от времени передвигают из стороны в сторону и несколько человек там периодически мелькают между этажами.

– Понятно, – сказала Птицына. – Ну, в такой ситуации есть два варианта: первый – взыскать неустойку, сохраняя права на будущую квартиру, а второй – расторгнуть договор, взыскать все уплаченные за квартиру деньги и на них сверху проценты – примерно, это будет столько же, сколько и неустойка.

– А как сделать лучше?

– Как будет лучше для вас, я сказать не могу, но практика складывается так, что зачастую нынешние застройщики банкротятся, и в итоге многие люди остаются ни с чем. Дело в суде вы, разумеется, выиграете и получите исполнительный лист, но когда вы его предъявите, может оказаться, что все их банковские счета уже пусты, имущества у организации никакого по документам нет, ну и так далее. Таким образом, всё это может длиться годами, люди постепенно смиряются и в конце концов не получают ни квартиры, ни денег. Понимаю, что расстраиваю, но, к сожалению, это наиболее вероятный исход и я считаю, что вам лучше узнать правду сразу. Однако тут нужно учитывать ещё вот что: рано или поздно эту брошенную стройку может кто-нибудь выкупить и достроить, тогда вы сможете заявить свои права на квартиру, имея на руках договор, поэтому, с этой точки зрения, стоит взыскивать одну неустойку и сохранять гипотетическое право собственности на будущий объект.

Пожилые супруги понуро сидели, внимательно слушая неутешительные прогнозы. Самим они жили в своей, полученной ещё в СССР, квартире, а в эту, ловко «проданную» им лживой рекламой и лицемерными менеджерами авантюру, они влезли с целью обеспечить жильём своих детей.

Им же обещали! Им обещали, что всё будет честно!

– Ну а, может, в таком случае, не надо вообще в суд подавать? – тяжело вздохнув, поинтересовался пожилой мужчина, а жена его тут же добавила:

– Да, если толку никакого нет, на что нам эти бумажки потом?

Птицына сказала:

– Видите ли, какой-то шанс всё-таки всегда остаётся. Иногда бывает, что на счетах у ответчиков появляются средства с каких-то новых поступлений, а иногда, при банкротстве, часть предъявленных ко взысканию долгов перепадает и на дольщиков. Случается также, что долги гасятся за счёт других недостроенных квартир, то есть, кто-то, к примеру, может получить долю в ещё одном будущем объекте. В общем, как бы то ни было, некоторые позитивные вероятности всё же имеют место, но только в том случае, если у вас на руках будет решение суда и исполнительный документ.

Анастасия Филипповна замолчала.

– И сколько же всё это будет стоить? – спросила пожилая женщина после небольшой паузы.

– За полное ведение такого дела от начала до конца я беру пятнадцать тысяч рублей, – ответила Птицына.

– Это за всё? Полностью? – настороженно уточнил пожилой мужчина.

– Да. Сначала я рассчитаю сумму неустойки и напишу претензию, потом направим претензию ответчику и подождём тридцать дней для добровольного выполнения требований. Затем я пересчитаю неустойку с учётом дополнительного месяца, составлю иск, соберу мате-

риал и подам в суд. Рассмотрение, в среднем, занимает полтора-два месяца, после чего выносится решение.

– А сразу нельзя подать в суд, без претензии?

– Нет, это обязательное условие.

– А когда всё кончится, мы будем просто ждать и надеяться на лучшее?

– В целом, да.

Пожилые супруги переглянулись и как будто безмолвно посоветовались.

– А оплачивать как? Сразу всю сумму? – спросила женщина.

– Нет, семь тысяч в порядке аванса, а оставшиеся восемь после того, как я соберу всё дело и подам в суд, но до первого судебного заседания. В долг я работать не буду, – сразу предупредила Птицына.

– О, нет, конечно, об этом не беспокойтесь, мы, в отличие от наших врагов, людей не обманываем, – с горечью произнёс мужчина.

– Знаю, – отозвалась Анастасия Филипповна. – Просто я должна была об этом предупредить в порядке формальности.

Воцарилась непродолжительная тишина, пожилые супруги снова переглянулись, жена вопросительно качнула головой: «ну что?», муж поудобней пересел на стуле и спросил адвоката:

– А как мы ээ... как это у вас оформляется всё?

– Договором об оказании юридических услуг, – ответила Птицына. – По оплате, я выпиываю квитанции, по завершении составим акт об оказании услуг и впишем эти пятнадцать тысяч в дополнительное требование к иску. По закону суд взыскивает издержки с проигравшей стороны.

– Издержки?

– Ну, то что вы потратите на адвоката и на государственную пошлину.

– А ещё государственная пошлина?! – возмутилась женщина.

– Ну, конечно, а как же, судьям же надо с чего-то зарплату платить.

– Ааа, – иронически кивнула женщина. – Разумеется, это самое главное.

– А большая пошлина? – вновь насторожился мужчина.

– Будет зависеть от итоговой суммы иска, но навскидку, думаю, что не больше пяти тысяч.

– Эх, значит, уже за всё дело двадцать получится, – заворчал мужчина.

Птицыной начало это надоедать. В сравнении с другими адвокатами она назначала за свои услуги прямо-таки мизерные цены, не имея привычки наживаться на чужих бедах и прекрасно осознавая, что в материальном выражении большинство подобных дел редко когда приводят к результатам. Для неё, однако, всё предстоящее не переставало оставаться работой, независимо от исхода дела в принципе. Только вот, этого никто из этих людей никогда не хотел понимать, ибо в их представлении работа должна оплачиваться за результат, а не за процесс. А как она могла отвечать за результат, когда решает в конце-то концов всегда судья и далеко не всегда по справедливости?

– Послушайте, – сдерживая гнев, тихо начала Птицына, – вам, наверное, ещё следует подсчитать затраты на почтовые отправления, так как претензию надо будет направить в адрес ответчика, ещё возможны другие затраты, вроде изготовления ксерокопий и прочего. К тому же, вам приходится тратиться на проезд до моего офиса и в будущем понадобится доехать до судебных приставов, в банк или ещё куда. Словом, издержки могут вырасти ещё больше...

Осознавая, что начинает вести себя неправильно, Птицына, тем не менее, уже не могла остановиться. Её профессиональная деятельность с каждым днём всё сильнее отравляла ей жизнь. Ежедневно наблюдая, как с одной стороны системой управляют преступники, против которых она не имела никаких действенных средств борьбы, она в то же время и была вынуж-

дена постоянно сталкиваться с оскорбительной для себя подозрительностью и жадностью тех самых «униженных и оскорблённых». А ведь большинство из них по своей внутренней сути ничем не отличались от власть имущих жуликов, коим просто-напросто повезло попасть на свои бюрократические вершины. И если бы этот жадный дед оказался бы вдруг в кресле Приватизарина, или Индиферяна – он очень скоро сделался бы их образом и подобием. Ибо их основополагающее нутро, к сожалению, было абсолютно идентичным.

– ...одним словом, – вновь обретая хладнокровие, проговорила Птицына, – вы ещё подумайте. Если у вас сейчас тяжёлое материальное положение, то этим делом можно заняться и позднее, так как вряд ли ситуация со стройкой изменится в ближайший год. Ну, или... узнайте у других адвокатов, где-то, возможно, найдутся те, чьи услуги обойдутся вам дешевле.

Но по встревожившимся лицам посетителей было видно, что цены «других адвокатов» им давно известны, и они всего-навсего только хотели «прощупать почву» – а вдруг? *Вдруг эту «адвокатессу» получится разжалобить и сделать всё ещё экономнее, а то и вообще бесплатно – почему нет? «Они ведь и так все зажрались, эти юристы – ни хрена ничего не делают целыми днями, расселись тут со своими бумажками, все с важными рожами, а сами вечно спят на ходу. Бездельники. Разве это работа?! Дармоеды! Сволочи!»*

Намерения «униженных и оскорблённых» ясно читались по их хитроватым физиономиям. Но самым прискорбным здесь являлось то, что эти люди, так же как и большинство других, не были такими меркантильными изначально. Они лишь неосознанно пытались преобразовать самих себя и привести свои жизненные устремления в соответствие сложившимся реалиям.

– Нет-нет, Анастасия Филипповна, – перебивая друг друга, затараторили пожилые супруги, – мы не хотим ничего откладывать и решили обратиться именно к вам, потому что о вас очень хорошо отзываются и вообще... извините нас, если мы что-то не так... если мы могли как-то нечаянно обидеть...

– Ох, перестаньте, пожалуйста! – протестующим жестом вскинула руки Птицына, которая тут же забыла злость и теперь ей стало их жалко.

Посетители мгновенно замолчали и выжидающе на неё уставились.

Анастасия Филипповна нервно провела ладонью по краю письменного стола и, немного передвинув в сторону компьютер, сказала:

– В общем, если вы настроены действовать, я сейчас же распечатаю договор, мы его с вами подпишем, и после внесения авансового платежа я сразу приступлю к работе.

– Да, давайте, конечно. Семь тысяч же аванс?

Птицына согласно кивнула. Быстро найдя в компьютере нужный бланк, она спросила посетителей их паспортные данные и, введя их в пустые графы документа, нажала кнопку «печать». Мирную тишину маленького офиса нарушил скрежет старенького принтера. Пожилая женщина привстала со своего места и, несколько раз пересчитав семь тысячных купюр, торжественно положила их на адвокатский стол. Птицына тут же выписала квитанцию и, достав из принтера распечатанный договор, подписала и поставила печать.

– Подпишите здесь и здесь, – указала она нужные места галочками.

Получив на руки договор и квитанцию об оплате аванса, клиенты как-то сразу умиротворились и, собираясь уже уходить, пожилая женщина, задушевно вздохнув, напоследок спросила как бы по-свойски:

– И почему, интересно, так всё время получается? Неужели ж там у них и впрямь одно только ворьё и ни одного порядочного человека нет?

– Порядочные бывают, только их очень мало, – машинально отозвалась Птицына, – и потому на общем фоне почти незаметно. А вообще говоря, так складывается не только из-за сознательного мошенничества. Зачастую попадают и обыкновенные балбесы, которые, не имея средств на полную постройку объекта и собрав какую-то часть от первых продаж, тут же

начинают радоваться и тратить деньги на самих себя, рассчитывая, что если в первом месяце им удалось продать двадцать квартир, то, как минимум, так же произойдёт и в следующем. Просто когда все слишком рьяно выучились любить деньги и ставить их в своей деятельности на первое место, возникновение подобного бардака становится неизбежным.

– Да уж, до чего мы докатились, – сказала женщина, а её муж, подталкивая супругу к двери, в завершение спросил: – От нас ещё что-нибудь потребуется в ближайшее время?

– Конечно, копии всех документов, договор долевого участия, письма о переносе сроков завершения строительства, в общем, всё, что есть по этому делу. Сейчас я данные себе записала для того чтобы рассчитать неустойку и составить претензию, но когда буду готовить дело к подаче в суд, мне понадобится весь пакет документов. Так что лучше сразу всё отсканируйте и принесите, чтоб потом было меньше суеты.

– Хорошо, – сказал мужчина, – всё сделаем на этой неделе. Вы каждый день ведь здесь?

– Не всегда, предварительно позвоните обязательно.

– Хорошо, – сказала женщина. – Спасибо вам, до свиданья.

– Да пока не за что, всего доброго.

Пожилые супруги тихо ушли, аккуратно прикрыв за собою дверь.

Оставшись одна, Птицына убрала со стола авансовые деньги и положила их в кошелек, затем сходила в туалет вымыть руки и, вернувшись в офис, оставила дверь открытой, дабы лучше проветрить помещение.

На сегодня у неё была назначена ещё одна консультация по уголовному делу. Взглянув на часы, Анастасия Филипповна уселась перед компьютером и, найдя нужный файл в соответствующей папке, открыла текст претензии о неустойке по одному из предыдущих дел обманутых дольщиков. Поскольку подобные процессы ей доводилось сопровождать уже неоднократно, Птицына просто рассчитала на калькуляторе размер неустойки и, поменяв в редакторе данные на новых истцов, вскоре всё закончила.

Перечитав несколько раз готовый текст претензии, она сохранила документ отдельным файлом и создала в компьютере новую папку, подписав её фамилией сегодняшних посетителей. Теперь, по мере проведения судебного процесса, она станет добавлять в эту папку исковое заявление, ходатайства, жалобы и всё прочее, в чём будет возникать необходимость, а когда дело завершится, Птицына перенесёт всё накопленное в папку «Архив» с соответствующим годом. Анастасия Филипповна придерживалась порядка во всём, и в работе – в первую очередь.

Закончив работать, Птицына вновь посмотрела на часы – клиенты опять опаздывали.

Почувствовав, что проголодалась, Анастасия Филипповна открыла выдвижной ящик письменного стола и осмотрела свои скромные припасы сухого пайка. Несколько питательных батончиков, хлебцы в запечатанной пачке и початая плитка горького шоколада. Секунду подумав, Анастасия Филипповна вынула протеиновый батончик со вкусом абрикоса и закрыла ящик.

Пережёвывая сладковатую массу, Птицына вытянула перед глазами указательный палец и принялась делать упражнение для укрепления зрения, попеременно фокусируя взгляд на кончике пальца, а затем плавно переводя его в угол кабинета. Прodelав так секунд тридцать, она поводила зрачками из стороны в сторону, вверх-вниз и завершила упражнение несколькими круговыми движениями. Улучшать зрение таким манером ей, конечно же, не удавалось, однако сдерживать ухудшение, сохраняя имеющийся уровень близорукости, кажется, получалось вполне. К тому же, глаза после этого всегда как будто бы немного отдыхали, что для неё тоже являлось немаловажным.

Анастасия Филипповна доела протеиновый батончик, выбросила в корзину обёртку, сделала несколько больших глотков воды, слегка прополоскала рот и, оскалившись, оглядела лицо и зубы в карманное зеркальце.

Снова взглянув на часы, Птицына недовольно нахмурилась и уже собиралась взяться за чтение книги, когда, с двадцатиминутным опозданием, клиенты наконец-то объявились.

– Здравствуйте, – пробормотал, входя, мужчина лет пятидесяти, пропуская вперёд себя женщину примерно такого же возраста, – простите, пожалуйста, что мы немного задержались, пробка была на дороге.

«Начальство не опаздывает, начальство – задерживается», усмехнувшись про себя, подумала Птицына.

– Добрый день, – поздоровалась Анастасия Филипповна.

Посетители суетливо закрыли за собой дверь и быстро уселись на стулья перед столом адвоката. Так же как и в предыдущий раз, это была супружеская пара, но эти были моложе и с более щекотливым делом. В общих чертах, их проблема была уже Птицыной известна из предварительного разговора по телефону, однако сейчас она ожидала услышать всё более подробно.

Поочерёдно окинув супругов вопросительным взглядом, она остановила взор на муже, который взял слово после поощрительного кивка жены.

– Эмм, видите ли, у нас сыну девятнадцать лет и он случайно оказался в нехорошей компании. Как это... попал под дурное влияние. Сами же знаете, как оно обычно случается, за ними ведь не уследишь в этом возрасте. Мы и не знали толком ничего, а тут вот раз... на тебе. Оказалось, в общем, что такие вот дела. Очень всё запутано, я даже поверить не мог...

Мужчина торопливо излагал «дело», всё время теряя нить мысли и сбиваясь. Ему было очень стыдно, и если бы мог, он предпочёл бы объяснить всё просто одним выражением своего лица. Вдобавок ко всему, его жена принялась вдруг беззвучно плакать, отчего он окончательно засмутился, покраснел и замолчал.

Жалостливая по природе Птицына, моментально пришла несчастным людям на помощь:

– Ну что вы, не стоит так всё воспринимать. Самое главное, что ваш сын живой и здоровый, а то, что попал в переплёт, ну это бывает. Вашей вины в этом нет. Так уж у нас жизнь устроена, дети зачастую находят для себя ложные авторитеты где-то на стороне, а потом взрослеют и, сделавшись «самостоятельными», забредают на свои кривые дорожки.

Захлёбываясь беззвучными рыданиями, несчастная мать быстро с благодарностью закивала, а отец, взяв наконец себя в руки, сказал:

– Спасибо вам за эти слова. О господи, что ж нам теперь делать?

– Ну, раз к адвокату пришли, значит, первый шаг уже сделали. Теперь я хочу попросить вас постараться успокоиться и рассказывать всё, что вам известно честно и подробно – конфиденциальность я вам гарантирую, поскольку обязана соблюдать адвокатскую тайну. Если мы придём к соглашению, и я буду защищать вашего сына, то я должна быть уверена, что знаю всё, чтобы иметь возможность уверенно противостоять обвинению.

– Да-да, – с готовностью закивал отец и строго посмотрел на мать, которая всё никак не могла успокоиться. – Василиса, немедленно прекрати, – сказал он ей, – или тогда иди на улице жди. Ты меня уже бесишь.

– Всё, всё, я больше не буду, не буду, – торопливо вытерла слёзы Василиса и, с усилием сжав челюсти, нахмурилась. – Простите меня, пожалуйста.

Птицына успокоительно помахала рукой, мол, «ничего страшного» и перевела внимательный взгляд на отца юного преступника.

– Итак, – сказала она, – я вас слушаю.

Нервно хрустнув пальцами, отец опустил взгляд в пол и заговорил:

– У него друг один дворовый есть, он мне всегда не нравился. Самоуверенный такой, наглый, к тому же ещё и мать алкашка, это вот он-то Серёжу нашего и испортил. Сначала они выпивали иногда вместе, ну понемногу, пиво только, ну и ладно, думаем, что такого-то? А затем смотрим, что-то не так, какой-то придёт иной раз вроде и выпивши, а запаха почему-то совсем никакого нет, ну и вот... я всегда знал, что нельзя ему со всяким отребьем водиться!

Я требовал, наказывал! Только он меня совсем не слушался, а потом оказалось, что уже успел пристраститься... вот... это...

– К чему пристраститься? – мягко, но требовательно спросила Птицына.

Василиса-мать опять начала истерику.

– Так! – гаркнул на неё супруг, точно обрадовавшись возможности отвлечься от своего рассказа. – Пошла вон отсюда, дура!

– Всё, всё, я не буду больше, не буду.

– Так к чему он пристрастился? – повторила вопрос Птицына.

Отец снова опустил хмурый взгляд в пол.

– Пристрастился? Ну, может и не пристрастился, это я так уж, конечно, утрирую, но пробова! иногда что-то, какие-то небольшие наркотики, может, но редко! Вообще говоря, очень-очень редко!

Глядя на него в упор, Птицына твёрдо произнесла:

– Я ведь вам сказала, что со мной необходимо говорить откровенно. Мне нужно знать все факты без всяких преуменьшений для того, чтобы правильно выстраивать защиту. Я понимаю, что вам трудно это рассказывать постороннему человеку, но поймите: то, что может казаться незначительным, в действительности зачастую имеет очень серьёзное значение. В данной ситуации, к примеру, если он курил несколько раз в неделю траву – это одно, если добавлял в кофе всякие порошки – это другое, а если делал инъекции...

– Нет! Нет! Что вы! Что вы! – моментально перестав плакать, неожиданно закричала мать. – Никогда в жизни не кололся, никогда! Никогда!

– Помолчи, – устало проворчал её супруг и, обратив к Птицыной измученное лицо, как бы сдаваясь, проговорил: – Да не знаем мы, следов на руках вроде не было. Мы осматривали его несколько раз, когда спал, но они ведь, бывает, что и не в руки колются. К врачу мы не смогли его заставить пойти. В общем, анализов никаких не делали, поэтому можем только предполагать.

– В таком случае, спрошу по-другому: каково его поведение, когда он в нетрезвом виде, и какой он, когда трезвый? Вы можете описать хотя бы по вашим ощущениям? Потому что, если вдруг степень наркотической зависимости приобрела патологический характер, тогда возможны дополнительные варианты защиты. Скажем, наказание в виде принудительного лечения, если получится доказать, что наркотическое опьянение приобрело признаки тяжёлого заболевания и прочее.

Отец хмуро задумался и бросил негодующий взгляд на мать, которая собравшись уже было снова истерично протестовать, услышала про «принудительное лечение» и промолчала. Медленно качая головой, он сказал:

– Не знаю. Трезвый он такой же, как обычно, а пьяный... ну просто как пьяный, как, например, когда водки напился, только язык не заплетается, и перегара нет. Такого, чтоб прям как сумасшедший становился – не замечали, поэтому насчёт степени зависимости тоже не могу сказать. Из дома подворовывал время от времени кое-что, но в целом всегда по мелочи и на нас никогда драться не кидался, только орал.

– Ну, если всё действительно так, – заметила Птицына, – то я думаю, что с наркотиками у него пока никакой патологии нет, тут скорее, ранняя стадия, когда они только балуются, но ещё обходятся без систематического употребления. Инъекций никто из них в этот период, как правило, не делает, так что вытащить парня, по крайней мере, из этой беды шансы хорошие, однако в таком случае для защиты в суде фактор наркомании нам никак не пригодается. Ну и поскольку я всё-таки не нарколог, и вы пришли на консультацию по несколько другому вопросу, расскажите теперь всё, что знаете о самом преступлении. Ведь если я вас правильно поняла, когда вы звонили, вашего сына арестовали не за торговлю наркотиками?

– Да, – тихо подтвердил отец. – Они обокрали несколько человек, вытаскивали из машин сумки. Действовали организованной группой, как это в постановлениях написали потом. Кража с отягчающими обстоятельствами...

Он продолжал что-то тихо рассказывать, однако Птицыной уже всё было ясно. Эта воровская схема была ей хорошо известна. Барсеточники. Так они, по крайней мере, именовали самих себя. Выследив где-нибудь на парковках дорогой автомобиль с солидного вида хозяином, они дожидались, когда тот уйдёт, затем незаметно подкрадывались и пробивали ножом заднее колесо по диагонали от водительского места и прятались. Вернувшись, владелец замечал, что шина спущена, оставлял «барсетку» на водительском месте, доставал из багажника запасное колесо и принимался за работу. Тогда «барсеточники» тихо подкрадывались, открывали переднюю дверцу и воровали «барсетку».

В данном «промысле» у них была уже целая наука: например, воровать необходимо было исключительно в дневное время, так как, при открытии автомобильной двери ночью, в салоне загорался свет, а это могло привлечь внимание «терпилы». Пробивать колесо нельзя было отвёрткой, а надо было именно ножом, ибо от удара отвёрткой слышался хлопок, а нож был плоский и резал шину беззвучно. Разумеется, выходить «на дело» нужно было только в перчатках – тонких и прозрачных, как у врачей, без всяких там кожаных, чтобы не снижалась чувствительность пальцев и чтобы особо не выделяться, так как в тёплое время года перчатки как у Милославского в кино про Ивана Васильевича – это галимое палево, и никто так никогда не делает.

– ... в общем, теперь Серёжа в следственном изоляторе, – взволнованно закончил отец Серёжи.

– Тогда получается, вы уже к кому-то обращались до меня?

– Нет, нет! Когда выносили постановление об аресте, ему предоставляли бесплатного адвоката, но нам не надо ничего бесплатного, знаем мы как это бесплатное работает, – сказала мать Серёжи.

Птицына начала делать пометки в блокноте.

– А почему организованной группой? – спросила она.

– Не понял?

– Вы упомянули, что преступление совершено организованной группой, но насколько я знаю, обычно они делают подобное поодиночке.

– А, ну, там, понимаете, ему предъявляют не за одно, а за несколько, потому что арестовали четверых, а они якобы всем этим уже давно занимались и у них там вроде бы какой-то даже главарь был...

Птицына сделала несколько пометок в блокноте.

– Так, – сказала она, – общую картину я поняла, так что теперь расскажу о вариантах, которые могу вам предложить. Вариант первый: деятельное раскаяние, сотрудничество со следствием, упор на смягчающие обстоятельства. То есть, он должен будет рассказывать всё, что знает обо всех соучастниках, об этом их главаре и о том как, когда, где воровали. Если были нераскрытые эпизоды, то сообщить и о них. По итогу будет безусловное смягчение приговора, однако полностью избежать наказания, скорее всего, всё же не получится. Впрочем, в таком сценарии, вполне возможен условный срок, потому как подобное поведение считается в уголовной среде непросительным, и в местах лишения свободы ему может угрожать серьёзная опасность. Но если мы пойдём по этому пути, то я, конечно, поставлю вопрос о гарантиях его безопасности. Уголовники называют таких людей стукачами, однако если взглянуть на это под другим углом, я думаю, что здесь для вашего сына появляется дополнительный стимул к тому, чтобы в будущем жить честно, избегать любых преступных сообществ и максимально от них абстрагироваться.

– Но они ведь могут потом начать его преследовать? – пролепетала мать.

– Да, такая опасность существует, – подтвердила Птицына, – однако я не стала бы её сильно преувеличивать. Во-первых, месть чревата для них новыми тюремными сроками и чтобы идти на это, требуется серьёзный повод, но здесь у нас, простите, шайка мелких воришек, балующихся наркотиками, которые, в общем, пока ещё даже и не являются весомой частью криминального мира. Во-вторых, абсолютной безопасности в принципе не существует ни для кого из нас, и по тем или иным причинам жертвой нападения может оказаться любой человек. Поэтому здесь, я думаю, сильно волноваться не стоит. Главное – это постараться вернуть парня в нормальный социум, потому что существующая пенитенциарная система, увы, перевоспитывает крайне редко. Чаще всё выходит ровно наоборот: в тюрьме их мышление окончательно деформируется в уголовное, да и первая отсидка – это нечто вроде «обряда посвящения» в члены криминального сообщества. После этого вернуть их обратно становится уже практически невозможно.

Родители молодого преступника заметно оживились, мать уже вовсе перестала делать попытки возобновить истерику, а отец, вытянувшись на стуле, азартно внимал каждому слову адвокатессы, и когда та замолчала, спросил:

– А второй вариант защиты, вы говорили, какой-то есть. Это что?

– Второй вариант – это, как говорят уголовники, «уйти в отказ». То есть, он станет отрицать всё, что можно, а я буду всячески затруднять работу следствия, писать жалобы на каждое их действие, изобретать любые способы разваливать дело. Итог предсказать трудно, но учитывая, что преступление совершено впервые, мы уже изначально имеем кое-какое преимущество. Таким образом, нам, возможно, удастся расшатать обвинение по формальным основаниям и, что называется, парня отмазать.

Последнее слово Птицына произнесла с нескрываемым отвращением.

Отец многозначительно переглянулся с матерью, нерешительно поёрзал на стуле и, глядя в сторону, осторожно произнёс:

– А скажите, пожалуйста, нельзя ли действовать ещё каким-нибудь способом, так, чтобы Серёжу выпустили наверняка? – заметив, как изменилась в лице адвокат, он торопливо добавил: – Просто мы хотели бы, чтобы его отпустили быстро и без лишней шумихи, а варианты, которые вы изложили, не подразумевают... хм... всё ведь может не получиться, а он ещё совсем мальчишка, понимаете?... он ошибся и ему сейчас очень тяжело... но мы уверены, что он обязательно исправится!.. Больше такого никогда не...

– Стоп, подождите, – резко оборвала его Птицына. – Вы говорите о взятках, а я этим не занимаюсь, поэтому сейчас нам следует прекратить разговор.

Она с хрустом выдрала исписанный лист из блокнота и, демонстративно разорвав его на мелкие кусочки, выбросила в мусорную корзину.

Посетители ошалело наблюдали за её действиями.

– Не беспокойтесь, – холодно произнесла Анастасия Филипповна, – докладывать в ОБЭП я не побегу, да и, как вы понимаете, пока ещё не о чем. За консультацию вы мне должны триста рублей. Будьте любезны оплатить, и не смею вас более задерживать.

Бормоча под нос что-то нечленораздельное, отец Серёжи торопливо вынул из кармана бумажник, положил требуемую сумму на стол и, подталкивая ошарашенную супругу, скрылся за дверью. «Ненормальная какая-то», услышала Птицына прощальную реплику матери Серёжи из пустоты коридора.

Хмуро оглядев три лежавшие перед ней сторублёвки, Анастасия Филипповна убрала их в кошелек и в сердцах ударила ладонью по столу.

И чего, спрашивается, я перед этими уродами распинаясь? «Вернуть парня с ложного пути», «преподать урок, дабы впредь оградить его от преступного мира», «лишить возможности стать членом этого сообщества», сделав по ихним понятиям из него «чёрта»? Да я просто дура и больше ничего! Ох уж эта гнилая сущность! Коррупция? Продажные судьбы? А

эти двое сейчас, кто такие были? Это ведь они своими руками вырастили и воспитали преступника и ведь это именно им сейчас нужен продажный следователь и коррумпированный судья! И все такие же! Все! И все их истошные крики о справедливости заканчиваются ровно тогда, когда на зону попадает их собственное драгоценное дитя! Тогда-то им уже требуется не правда и справедливость, а только коррупция! Потому что их сынок не такой как другие! Потому что у них-то дело особенное! Исключительное! Фу! Надоело!

Нервно встав из-за стола, Птицына вышла из кабинета и сходилла в туалет умыться руки.

Вернувшись, она несколько раз глубоко вздохнула и уселась в кресло. Сцепив руки в кистях, Птицына потянулась вверх, потом упёрлась ладонями в столешницу и сделала несколько вращательных движений головой. Затем Анастасия Филипповна откинулась на спинку и, максимально расслабившись, пару минут подышала особенным образом, медленно набирая до предела полную грудь воздуха и до самого конца его выдыхая.

В завершение, Птицына снова сделала упражнение на тренировку глазных мышц и, окончательно успокоившись, посмотрела на часы. До конца рабочего дня оставалось ещё полтора часа, но она могла бы уже пойти домой.

Или посидеть, почитать ещё часок? Вдруг какой-то случайный клиент заскочит? Нет! Не хочу! Как же всё опостылело! Надоело! Невозможно!

Несмотря на все предпринятые усилия, Анастасия ощутила, как внутри неё с новой силой закипает гнев, и на этот раз она уже даже не хотела его подавлять. Гнев этот был каким-то абстрактным и не направленным на кого-то конкретного, а словно бы всеобъемлющим. Где-то очень глубоко внутри она ощутила вдруг кипящий очаг непримиримой вражды ко всему окружающему уродству, ко всем тем гадким качествам, кои в своей безобразной совокупности формируют всю эту зловонную, псевдо юридическую систему. Ей хотелось найти первоисточники всей этой мерзости, собрать их в одном конкретном объекте и обличить его в конкретную физическую форму, дать ему имя и фамилию, а после назначить главным виновным и подвергнуть высшей мере наказания. Расстрелять! Повесить! Сжечь!..

Однако Птицына знала, что такого виновного не существует, потому что конкретных виновных как будто бы и нет в принципе, ибо виновны на самом деле все, а вся эта юриспруденция от начала и до конца – это только фикция и подлог. Инструмент для добывания денег. Вся её работа, мечты и стремления измеряются в реальном мире лишь цифрами на банковском счёте, и если честность и порядочность нельзя выгодно продавать, то кому, спрашивается, в этой жизни они могут быть интересны?

Бросить! Бросить всё к чёрту! А что дальше? На что жить?

Её блуждающий взгляд остановился вдруг на портфеле, и она вспомнила о сегодняшней странной встрече во время обеда. Незнакомец, который почему-то вызвал в ней тот безотчётный страх и от которого она буквально убежала. А он ведь просто говорил о какой-то работе.

Испугалась! А чего же я испугалась? Вообще сейчас не пойму!

Пошарив пальцами в боковом кармашке портфеля, она нащупала и вынула визитку, которую напоследок успел вручить ей странный незнакомец.

Надпись на визитке гласила:

Доктор Сулейман Бабай

Странное имя какое-то, хотя и внешность у него тоже была странная и поведение. Что-то во всём этом есть такое... психическое, что ли?

Нервно хохотнув, Анастасия Филипповна достала телефон, набрала указанные на визитке цифры и, слушая длинные гудки, чуть слышно пробормотала:

– Психическая? Ну хрен с ним, давай психическую!

На том конце линии ответили через три гудка:

– Да-да, слушаю вас!

Тут же узнав этот голос, Анастасия ощутила непонятное умиротворение.

– Добрый день, – сказала она в трубку. – Это адвокат Птицына, мы разговаривали сегодня в столовой.

– Да-да, конечно, Анастасия Филипповна, мы очень рады, что вы решили нам всё-таки позвонить! А то я уж было думал, что чем-то мог вас невольно обидеть. Вы вдруг так скоро ушли, что я, честно говоря...

– Я прошу прощения, – взволнованно проговорила Птицына, – сама затрудняюсь понять, что со мной в тот момент произошло.

– О, что вы, что вы, Анастасия Филипповна, здесь всё предельно просто, могу вас в этом заверить, как доктор медицины. Проблема в постоянном психологическом прессинге, в стрессе. У вас нервная работа. Вы ведь были сразу после судебной тяжбы, а подобное событие - это уже само по себе насилие над человеческой психикой. Поэтому, вам абсолютно не за что просить прощения! Напротив! Это я должен перед вами извиниться за то, что так внезапно и беспардонно нагрянул, без предварительного звонка, или сообщения. С моей стороны это, безусловно, было грубостью и бестактностью.

Совершенно успокоившись и даже как-то обмякнув, Птицына словно бы растекалась по креслу. Она слушала этот голос, игнорируя слова и их смысл. Важна была лишь одна интонация, тембр, модуляции. В ложбинке у основания шеи появилось приятное покалывание, которое медленно распространялось вверх к голове и одновременно вниз, к грудной клетке. Анастасия хотела сейчас только одного: чтобы этот голос не переставал говорить и продолжал бы свою дивную музыку дальше. Ещё! И ещё!..

– Итак, можем ли мы надеяться, что вы рассмотрите наше предложение о работе, Анастасия Филипповна? – сказал этот голос и выжидающе смолк.

– Да! – как бы само собой вырвалось у Анастасии Филипповны и она тут же как будто проснулась. – То есть, я хочу сказать, меня интересуют подробности о вашей организации, роде деятельности и прочем. Кроме того, я ведь имею обязательства перед клиентами и мне так или иначе необходимо будет завершить все свои текущие дела, если я решусь менять сферу деятельности. Да и статус адвоката надо будет прекратить в официальном порядке, это тоже займёт время. Одним словом, приступить к обязанностям на новой работе в самое ближайшее время я не смогу. Во всяком случае, с полной занятостью.

Да что ты такое несёшь, проклятая идиотка?! К какой ещё «новой работе»? Что ты про эту работу вообще узнала? Когда это ты успела согласиться со всеми условиями и заранее все их принять?

Точно уловив её мысленную тревогу, чарующий голос в трубке заиграл свою дивную музыку снова:

– О, Анастасия Филипповна, разумеется, мы всё это отлично понимаем. Мы занимаемся долгим и тщательным отбором кадров, поэтому выждать, если потребуется, пару лишних месяцев, для нас совсем не проблема.

Птицына взяла со стола визитку и ещё раз внимательно её осмотрела.

– А как называется ваша организация?

В трубке невинно хохотнули:

– О, Анастасия Филипповна, названия у нас нет. И будет лучше, если вы всё же придёте на личное собеседование с нашим начальником, он, как я уже успел вам сегодня сказать, в данное время находится здесь.

Птицына глубоко вздохнула:

– Ну, хорошо, давайте.

– О, прекрасно, Анастасия Филипповна! Может быть, тогда я организую встречу прямо сегодня? Сможете вы прийти, скажем, часа через два, к 18.00?

И в последний раз мысленно отмахнувшись от невнятно-тревожных сомнений, Птицына решительно ответила:

– Да, смогу.

– Прекрасно, Анастасия Филипповна! Запишите, пожалуйста, адрес...

Прибыв на место в точно оговоренное время, Птицына остановилась посреди кишашей говорящими людьми улицы и с недоумением окинула взглядом здание, в котором должно было состояться собеседование. То был обыкновенный жилой дом с переделанным под магазины первым этажом, и, записывая продиктованный адрес, она не догадалась уточнить, где именно в этом доме должна находиться нужная ей дверь.

А он сам-то почему не сказал? Я угадывать должна?

Птицына с негодованием вытащила из портфеля мобильник и позвонила. Слушая длинные гудки, она вновь начала сомневаться и испытывать иррациональный страх, но уйти сейчас уже бы не смогла, ибо теперь она считала себя обязанной довести это мутное дело до конца из принципа.

– Ох, простите, пожалуйста, мою невыносимую рассеянность, Анастасия Филипповна, – отвечая на звонок, сразу же затараторил знакомый голос. – Я совсем забыл уточнить, где именно мы вас ждём. Вы уже возле дома?

– Да, я здесь, – слегка раздражённо ответила Птицына. – Тут магазины всякие на первом этаже, а со двора, я так понимаю, подъезды к жилым помещениям. Так, где вы находитесь?

– Сбоку, сбоку, Анастасия Филипповна! То есть, как это, гм... с торца, с торца! Там будет дверь с кнопкой звонка, впрочем, подходите, я вас встречу!

Злясь на себя за всю эту авантюру, Птицына убрала телефон в портфель и по привычке глянув на наручные часы, быстро зашагала вдоль магазинов.

А с какого торца-то? Ах, вот же лысый чёрт, у дома ведь два торца!

Дойдя до конца здания, она остановилась на углу и с сомнением оглядела обшарпанную железную дверь. Уже поворачиваясь назад, чтобы дойти до другого торца, она услышала, как тяжело щёлкнул замок, и дверь открылась.

– Анастасия Филипповна!

Обернувшись, она разглядела давешнего восточного незнакомца выглядывающего из темноты дверного проёма.

Доктор Сулейман Бабай – так, что ли?

Он призывно махал рукой и приветливо улыбался. Птицына молча сделала последние несколько шагов и вошла внутрь.

Доктор Сулейман Бабай тут же закрыл за ней дверь.

Впереди была узкая лестница в подвал.

Господи, куда они меня заманили? Почему так темно? Где я?

Давешний страх вернулся с удесятёрённой силой. Инстинктивно дёрнувшись в сторону запёртой двери, Птицына натолкнулась на незнакомца.

– Ой, простите, пожалуйста, Анастасия Филипповна, здесь у нас нет света, сейчас я зажгу фонарик. Давайте спустимся, внизу у нас всё по-другому. А это, так сказать, всего лишь для конспирации.

– Какой ещё конспирации? – хрипло выдавила из себя Птицына. – Кто вы?

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – сказал доктор Сулейман Бабай.

Спустившись вниз по лестнице, он открыл ещё одну дверь и за ней показался ярко освещённый коридор с шикарной отделкой. Увидев это, Анастасия Филипповна немного успокоилась и, недоумённо обернувшись на убогий вход, спустилась по старой лестнице вслед за незнакомцем.

– Говорю же, это для конспирации, – проговорил Сулейман. – Идёмте.

Мягко ступая по толстому ковру, доктор Сулейман Бабай прошествовал вперёд и, ещё раз призывно махнув Птицыной, открыл очередную дверь.

– Прошу вас, Анастасия Филипповна.

Ноги её словно бы сделались ватными, всё происходящее ей вдруг показалось сном.

Такого просто не может быть. Это сюжет из какой-то фантастической литературы. Но я ведь не сплю! Я всё отчётливо помню и могу воспроизвести события последовательно: как я здесь оказалась, зачем и почему. Кроме того, я же всё чувствую, а во сне чувствительности не бывает. Но всё равно! Всё как-то не так. Может, он меня загипнотизировал?

Не задавая более никаких вопросов, она как в тумане прошла по мягкому ковру и очутилась в новом помещении. Это было какое-то подобие ресторанного зала. По периметру стояли несколько обеденных столов, за одним из которых сидел и ел необычного вида субъект. Это был пожилой мужчина, но какого конкретно возраста понять было мудрено. Одет он был вроде бы просто, но как будто бы дорого. Орудия золотыми на вид ножом и вилкой, он самозабвенно отправлял себе в рот маленькие кусочки мяса с кровью, и когда вошли вновь прибывшие, даже не повернул в их сторону головы.

Почтительно поклонившись, доктор Сулейман Бабай вежливым жестом указал Птицыной на свободное место за столом, напротив странного человека, а сам быстро прошмыгнул вперёд и сел за соседний, который был заставлен какими-то мерцающими мониторами.

Птицына нерешительно приблизилась.

Обедающий за столом человек, который до этого, казалось, её не замечал, вдруг быстро проглотил очередную порцию мяса, глотнул из чашки чай и, щёлкнув пальцами куда-то в сторону, не глядя, указал на тарелку с недоеденной пищей. Возле него тут же возник официант и без единого звука убрал всю грязную посуду, оставив лишь золотой нож, который пообедавший человек зачем-то тщательно вытер салфеткой и положил на край стола.

Сделав свою работу, официант тихо ретировался, а загадочный пожиратель мяса с кровью наконец поднял взгляд на стоящую перед ним Птицыну:

– Садитесь, садитесь, – проговорил он трубным голосом с каким-то иностранным акцентом.

При других обстоятельствах она бы давно рассвирепела от подобной наглости, но сейчас Птицына уже совсем перестала ощущать какие-либо эмоции и потому просто присела на край стула, повесила портфель на спинку и, устало вздохнув, остановила выжидающий взгляд на своём потенциальном начальнике. А тот, в это время, невозмутимо вытер рот салфеткой, затем шумно в неё высморкался и, скомкав, бросил на пол.

– Вообще, я мог бы, конечно, принять вас в своём поместье, – заявил он, – но обстоятельства сложились так, что сегодня я пребываю здесь. Мне, знаете ли, нравится иногда оказаться в самой гуще людишек, которые снуют туда-сюда по своим ничтожным делишкам и даже не догадываются, что рядом с ними находится один из их истинных хозяев...

Нет, ну я точно сплю. Такого просто не может быть! Я ведь не на экскурсии в сумасшедшем доме и не на какой-нибудь юмористической передаче? Это всё просто невозможно, надо всё по порядку вспомнить...

– ...я, когда сам куда-нибудь выезжаю по делам, вот как сейчас – в этом месте мои слуги заранее выкупают несколько подвалов и оборудуют их в таком виде, чтобы я мог, при желании, развлечься. Иные из нас предпочитают крыши, пентхаусы и всякое такое, но я в этом отношении консерватор – меня больше радуют подземелья. Порой они, конечно, не пригораются, ибо к моему прибытию также всегда готово и отдельное поместье, однако сейчас, как видите, пригодилось...

О, боже мой, может быть, я заболела? Сошла с ума?

– Кто вы такой? – с усилием выдавила из себя Птицына.

– Я Иеремия, – сказал человек.

Птицына вдруг закрыла лицо руками и в отчаянье пролепетала:

– Ох, я ничего не понимаю, что происходит? Что всё это значит?

– Но позвольте! – внушительно произнёс Иеремия. – Вы пришли на собеседование по нашему предложению о работе, чтобы разузнать о новых для себя возможностях. Разве нет?

– Да, но это всё так странно! Такого же не бывает! Какие ещё пентхаусы? Какие подземелья? Поместья? Людишки? Вы в самом деле всё это только что говорили? Мне это не почудилось?

Взяв со стола нож, которым до этого резал мясо, Иеремия повертел его в руках, уставился на заострённый кончик и задумчиво проговорил:

– Анастасия Филипповна... а вас ведь зовут так же, как одну из главных героинь Достоевского, я верно помню?

– Там была Настасья... – рассеянно отозвалась Птицына.

– А это не одно и то же?

– Не для меня.

– Интересно-интересно, – сказал Иеремия. – А ещё там, если я правильно припоминаю, был персонаж с вашей же фамилией, Птицын. Он, кажется, являлся кем-то вроде экономиста. Трезвомыслящий такой, педант, делец. Он во всей их сумасшедшей катавасии оказался чуть не единственным толковым человеком. Хладнокровный, чёткий, расчётливый. Настасье Филипповне надо было именно за него выходить замуж, и тогда б в её отношениях создалось хотя бы какое-то подобие порядка.

– А не за Мышкина? – апатично отозвалась Птицына.

Иеремия брезгливо отмахнулся:

– Что вы, Мышкин – это жертвенное мясо. Иисусоподобный, абсолютно непорочный человек, он несёт людям свет и добро, помогает каждому становиться лучше лишь благодаря одному своему присутствию. Всё всегда делает правильно и исполнен бесконечной добродетелью. Он годен лишь на то, чтобы высосать из него весь жизненный сок и затем выбросить, как пустую бутылку из-под водки, что все они, в общем-то, и сделали.

Он поудобней пересел на стуле и с азартом заговорил снова:

– Но Птицын – совсем другое дело. Птицын – это железная хватка самодисциплины, в которую мог быть заключён весь потенциал Настасьи Филипповны. Вся её дикая необузданность, её бешеное рвение к чему-то неясному. Все эти качества могли оказаться полезными, если бы их обуздали дисциплинированность Птицына, которая заключила бы весь этот ядерный заряд творческого хаоса в цельнометаллическую оболочку порядка и рациональности.

В качестве наглядной иллюстрации, Иеремия соединил основания ладоней, удерживая между ними нож и, широко растопырив в стороны кисти рук, обнимающим движением медленно сцепил пальцы, заключив лезвие внутрь.

Птицына с трудом оторвала взгляд от этого зрелища и сказала:

– Всё это, конечно, весьма занимательно, но не могли бы мы уже перейти ближе к делу. Я хотела бы узнать, что за работу вы мне предлагаете?

Иеремия откинулся на спинку стула и, широко зевнув, ответил:

– Видите ли, Настасья Филипповна, я пригласил вас сегодня сюда не для того, чтобы предложить работу.

– А для чего же? – холодно спросила Птицына с отвращением оглядывая его старческую фигуру.

Перехватив этот её взгляд, Иеремия безобразно расхохотался:

– О нет, Настенька, старушка, не для этого. Я пригласил тебя всего лишь для того, чтобы убить.

И прежде чем Птицына успела осмыслить услышанное, Иеремия сделал молниеносный выпад через стол и смертельно резанул её ножом по горлу.

Рефлекторно зажимая ладонями бурный поток крови, Анастасия Филипповна свалилась на пол. Последним, что она видела, был Сулейман, суетливо склонившийся над ней с каким-то зеркальным микрофоном в руках.

Один.

Примерная

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.